

ГЕРМАН ВЕНДЕРОВ

ТОПЛИВО ТВОЯХ
КОШМАРОВ

AM 4:20 7 2022

JAN 27 2022

Герман Шендеров
Топливо твоих кошмаров
Серия «Бездна Германа Шендерова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67195655
Топливо твоих кошмаров:

Аннотация

Грань привычной нам реальности тонка и ненадежна. Через эти страницы можно заглянуть за рубеж, где обитают стеклозубые рождественские ангелы и показывают детское кукольное шоу, сводящее с ума. Там можно исполнить заветное желание, отдав взамен самое дорогое. Там старые питерские квартиры пусты и бесконечно голодны. Там мчит через ночь поезд, набитый до отказа нежитью. Там стоит в поле одинокая девятиэтажка, готовая принять в себя самых ничтожных, самых порочных. Там разливается звон безъязыкого колокола, зовущий туда, откуда нет возврата... Там – топливо твоих ночных кошмаров.

Содержание

Дом Уродов

5

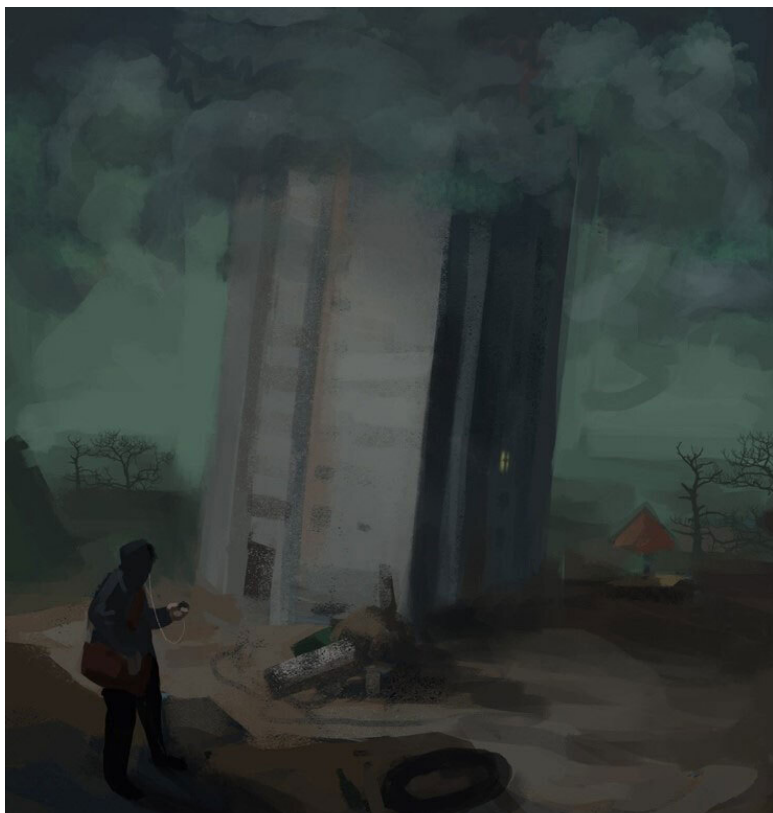
Конец ознакомительного фрагмента.

115

Герман Шендеров

Топливо твоих кошмаров

Дом Уродов

Мелкий дождь противно накрапывал, скапливаясь за воротником. Капли сползали за шиворот, заставляя меня ежиться. Кому пришло в голову строить эту гребаную хибару на таком отшибе? Грязно-серая девятиэтажка насмешливо вздымалась над пустырем. Бесконечно далекая, она медленно вырастала из-за куч мусора и беспорядочно разбросанных пучков ковыля, не приближаясь ни на метр. Один из бумажных пакетов с рекламными материалами размок, и я просто бросил конверт в очередную кучу мусора – расплзшаяся бумага вывалилась и накрыла собой остов панцирной кровати, став новым соседом советскому, облупившемуся под солнцем пупсу с оторванными ногами. Наушники странным образом затихли – похоже, я где-то переломил провод, и теперь вместо музыки слышалась какая-то какофония и шуршание. Покрутив джек в порте, я добился полной и абсолютной тишины. Ну здорово, а мне еще отсюда возвращаться. Полтора часа на электричке без музыки, в сопровождении бормотания давно спятивших старух, капризных детей и примитивных разговоров пригородного быдла – вечер понедельника обещал быть отвратительным. А ведь это только начало рабочей недели.

Продолжая пробираться через какие-то канавы, забитые строительным мусором и лужи размером с добрый пруд, я

начинал понимать, почему интернет в этот дом так и не провели – даже тропинки никакой протоптанной не было. Как они на работу-то оттуда ходят? На машине тут не проехать – поймаешь арматуру в днище, как пить дать. О чем думало начальство, посылая меня в такие дебри? Наверняка в доме одни пенсионеры – еще придется объяснять, что такое интернет и пить чай, воняющий половой тряпкой из коричневых от налета кружек.

Под ногами хрустело битое стекло и трещали высохшие стебли борщевика. Вот из-за полосы скрюченного кустарника показалась когда-то покрашенная в желтый, а теперь бесцветная и облезлая «паутинка». Упавшим волчком скребла землю карусель, приземлившись единственным сохранившимся сиденьем в прибитую дождем пыль. Такой же заброшенный и потасканный вид имел и грибок, венчавший наполненную фантиками и бутылками – даже валялась пара наполненных мусором пакетов – песочницу.

Похожая на покинутый улей, девятиэтажка тоскливо взирала на пустырь темными окнами, закрытыми решетками до самого чердака, с единственной «пробоиной» где-то на втором или третьем, напоминая не то тюрьму, не то дом скорби. Дом выглядел точь-в-точь как «свечка», в которой я провел свое детство.

Подъезд без домофона, словно темная раззявленная пасть, дышал зловонием – запах давно сгнивших отходов в мусоропроводе, моча – кошачья и человеческая – и еще

какой-то трудноуловимый, почти безликий смрад людского присутствия – эта странная смесь из годами готовившихся блюд, застарелого пота и дешевого алкоголя. Мне пришлось натянуть промокший воротник водолазки на лицо, чтобы зайти. В темноте что-то шмыгнуло под лестницу – крыса, наверное. За обшарпанными решетками первого этажа во двор слепо пялились темные окна, пыльные настолько, что было еле видно грязные, задернутые наглухо занавески. Все это походило на какое-то изошренное издевательство от начальства – отправить меня в эту глухомань, в этот мерзкий паноптикум, наверняка забитый опустившимся быдлом и марзматичными стариками.

В подъезде почтовые ящики висели наискось, некоторые дверцы были вырваны с корнем, а иные настолько погнуты, что не закрывались. Под ними валялась горка рекламных флаеров. В некоторых из них я узнал листовки фирмы, в которой работаю сам. Трехгодичной давности. Серьезно? И в этом доме они увидели перспективу? Как же, целых сорок пять квартир без интернета, сорок пять потенциальных клиентов! Опять они забывают, что вообще-то абонент еще должен платить, а платежеспособность жителей этого дома вызвала у меня серьезные сомнения.

Так, зажимая нос, я поднялся на лестничную клетку первого этажа и постучался в дверь квартиры номер один – вместо дверного звонка из стены свисала пара оголенных проводов. За исцарапанной фанерой царил тишина. Я постучал

еще раз, и настойчивее.

– Кто там? – так неожиданно раздалось у самой двери, что я почти подпрыгнул. Голос был высокий и дребезжащий. Шагов я не слышал – неужели стоит возле двери целый день?

– Добрый день, компания «Антей-Телеком», я к вам по поводу подключения. Если позволите пройти – я с удовольствием проведу для вас презентацию и расчет, – автоматически выдал я заученный и навязший на зубах кусок скрипта для «продажников».

– Кто? Сейчас открою, погодите, не слышу ни черта, старая я стала...

Было слышно, как бабка возится с ключами по ту сторону фанеры. Глупость, конечно, несусветная – проводить презентацию сейчас перед древней старухой, но кто знает – вдруг с ней живет внук, сын, племянник или просто добрый человек на квартирку после бабки рассчитывает? Пропущу сейчас, а потом выяснится, что клиент тепленький был – и плакали все мои бонусы за этот год. Хер тебе, Андрюша, а не новый телефон. Хер тебе, а не отпуск в Египте. Ничего, бабушка, мы и к тебе подход отыщем. Ты у нас еще в Одноклассниках зависать будешь!

Дверь отворилась на несколько сантиметров, и в проем влезло сухонькое хитрое лицо старушки, как с картинки – похожее на печеное яблоко с маленькими глазками, спрятанными в складках морщин, тугим пучком седых волос на макушке и провалившимся беззубым ртом. Бабка подслепова-

то сощурилась на меня, оглядела с головы до ног и только после этого распахнула дверь полностью.

– А, проходи-проходи, милочка. Я тебе сейчас чаю налью.

Такая книжная, почти сказочная старушка обезоруживала, моя брезгливость ко всем жителям этого дома было отступила, но хозяйка уже отправилась через темный коридор на кухню, шурша своими бесконечными юбками, за которыми не было слышно даже шагов. Квартира была однокомнатной, поэтому выбирать, куда пройти, мне не пришлось – я отправился в единственную жилую комнату. Темная, как и вся квартира, она заставляла вспомнить о склепах и каменных мешках. Влажный и затхлый воздух будто застревал в легких. Продавленный советский диван в выгоревший цветочек, пузатый телевизор, накрытый вышитой салфеткой и какие-то темно-рыжие пятна по всем поверхностям, будто кто-то здесь разбрызгал компот. Или кровь, подумалось мне невзначай.

Сев на диван, я будто провалился в какую-то яму из скрипучих пружин. Одна впилась мне прямо в задницу. Взвизгнув, я вскочил – ну вот, на моих любимых джинсах прямо посреди ягодицы осталась дырка. Сев на подлокотник, я уверенно отложил в сторону папку с предложениями по интернет-пакетам и открыл на «презентационных» страницах альбомы по цифровому телевидению и телефонии. Бедная квартира, конечно, не производила впечатления того, что старушка может быть потенциальным клиентом, но за что ме-

ня всегда ценили на работе – я был навязчивым, как овод, и уламывал даже тех, кто меня на порог пускать не хотел. Раскладывая материалы, я почти не заметил, как старушка принесла чай – так тихо она перемещалась.

– Вот, милоч, с чабрецом чаек, согрейся, погода-то на улице премерзкая. От давления с самого утра голова раскалывается.

– Так вот, я представитель компании «Антей-Телеком», хотел вам... Кстати, как вас по имени-отчеству? – начал я стандартный «развод».

– Тамара Васильевна я, – скрипнула старушка.

– Хорошо, итак, Тамара Васильевна, нам поступила информация, что в вашем доме отсутствуют любые подключения, и мы...

– Да ты пей чай-то, милоч, – добродушно перебила меня хозяйка, присев напротив меня куда-то перед древним пыльным сервантом. Странно, я не видел там ни кресла, ни стула. Принесла с кухни, должно быть. Чай, как я и ожидал, отдавал половыми тряпками. Сделав из вежливости глоток горячей, но как будто сырой воды, сильно отдающей ржавчиной, я продолжил:

– Итак, мы предлагаем вам, как пенсионеру – вы же пенсионер? – подключение цифрового телевидения и телефонии на выгодных условиях. Всего лишь за восемьсот шестьдесят рублей в месяц вы получите доступ более чем к семидесяти каналам и подключение к телефонной линии. Стационарный

телефон вы от нас получите в подарок, – презентовал я, самозабвенно листая рекламный альбом с дебильно-счастливыми лицами на фотографиях. Бабка с интересом слушала, попутно, похоже, думая о чем-то своем. Ну ничего, старая, и на старуху бывает рекламный агент, – Вы, например, Малахова любите? А вдруг пропустите передачу? А мы предлагаем прибор, который будет для вас записывать любимые программы – смотрите потом в любой момент. Или вот, за чаем сходить захочется, – я для убедительности приподнял треснутую кружку в цветочек со сколом по краю, – Поставите на паузу, вернетесь и будете смотреть ровно с того же момента. Или, например, родственники к вам как часто приезжают? Раз-два в месяц? А так сможете с ними созваниваться хоть каждый день, хоть ночи напролет разговаривайте!

– С кем же мне разговаривать-то, милоч? Я всю родню-то схоронила. А вот про телевизор мне поподробнее расскажи. Как это оно так работает? Неужто и прямой эфир ради меня, старой, отложат? – мечтательно протянула бабка и устремила взгляд куда-то вверх – то ли на трещину в потолке, то ли на пыльную люстру с битыми плафонами.

– Разумеется. Что угодно можете и записать, и остановить. Давайте я сейчас договор сразу начну на подключение заполнять, – я хищно защелкал шариковой ручкой, – А можно свет включить, а то темновато у вас?

– Ой, а чего тут рассматривать-то? Я уж его почитай и не включаю, – ворчливо бормотала бабка, будто подтекая к

выключателю на стене.

Непривычно ярко разгорелись лампочки, почти не прикрытые плафонами, и свет высвободил всю грязь и неприглядность нищенской квартирки. Но я не смог проронить ни слова при виде того, как рыжие пятна на стенах сдвинулись с места, разбежались по углам, плинтусам, один даже заполз на меня, и я, передергиваясь от отвращения, вскочил, стряхивая с себя жирного коричневого таракана. Наглый усач упал на спину, приземлившись на липкий паркет, немного побарахтался, перевернулся и ловко шмыгнул бабке под юбку.

– Так чего писать-то надо? – старуха, казалось, не замечала того, как вся комната дышала и шевелилась неплотным ковром хитиновых тел, усиков и тонких лапок. Ее глаза при свете оказались совсем крошечными, черными, словно маленькие пуговицы, спрятанные глубоко в глазницах. Не помня себя, я на пробу провел ладонью перед лицом бабки. Та не пошевелилась, словно была абсолютно слепа, вместо этого что-то зашебуршало под бабкиной косынкой, словно какие-то длинные тонкие лапки или... усики? Я чувствовал, как голова идет кругом.

Сгребая в кучу рекламные материалы, я начал бормотать нечто вроде «Наши монтеры вам позвонят, мне нужно обойти остальные квартиры, спасибо за чай» – что-то совершенно бессмысленное и несуразное, лишь бы не дать ей вставить слово, лишь бы она не выбила меня из колеи, не вынудила

задержаться еще хоть на секунду в этом зараженном вредителями жилище. Наступая на маленькие хрустящие тела, я выбрался в спасительно темный коридор, поскользнулся на какой-то слизи, размазанной по всему полу – кисель она что ли разлила? Уже за дверью в подъезде я услышал скрипучее.

– Сынок, обожди, ты забыл кой-чего!

Обреченно я повернулся к коридору, через который медленно и тягуче плыла старуха, сжимающая в руках... Нет, это не может быть правдой! Не бывает таких совпадений! Мне просто мерещится!

– Вот, милок, держи, – костлявые пальцы, покрытые старческими пятнами зачихали изогнутый, покрытый ржавчиной кусок арматуры, похожий на фомку, прямо мне в сумку.

– Ну, с богом! – махнула мне бабка рукой и закрыла за собой дверь.

Даже выйдя из гадкой квартирки, я не мог отделаться от ощущения, что десятки маленьких лап продолжают щекотать меня под одеждой. Почесываясь, я как будто старался себя отвлечь от мыслей о неожиданном привете из давно позабытого прошлого, который теперь оттопыривал боковой карман сумки. Непрошеное воспоминание копошилось в черепной коробке, царапая краями изнутри. Еле заметное, оно не давало за себя ухватиться, но напрочь лишало покоя.

На первом этаже я решил не задерживаться – здесь всегда живут какие-нибудь совсем уж неплатежеспособные лошарики – и сразу отправился на второй.

От одной из квартир по подъезду разносилась музыка – орал на всю громкость то ли телевизор, то ли магнитофон:

– ... Расплескалась синева, расплескалась, даже в сердце синева затерялась...

Звонок на этой двери присутствовал. Я вдавил черную оплавленную кнопку в корпус, и из квартиры раздался тонкий, противный, как зубная боль, звон. Музыка затихла. Понималось какое-то шевеление, что-то упало и покатилося по полу. Тяжелые недовольные шаги приблизились ко входу, и дешевая, обитая жестью дверь, которая обычно закрывает вход в технические помещения, распахнулась. Надо мной возвышалась темная фигура. Да они специально что ли свет экономят? Глаза выхватывали из темноты отдельные элементы облика – тускло белеющие в темноте аксельбанты, нечто, похожее на берет, венчающее голову и злобно поблескивающий в неровном свете подъездных окон маленький глаз на скрытом тенями лице.

– Хули надо? – поинтересовался у меня обладатель хриплого пропитого голоса.

– Здравствуйте, я представитель компании «Антей-Телеком», меня зовут Андрей, я пришел предложить вам...

Мне пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы бутылка, с силой запущенная в мою сторону не попала в колено. Прозрачное стекло с оглушительным звоном разлетелось по грязному кафелю подъезда, кажется, оставив на нем небольшой скол. Жилец квартиры потянулся единственной рукой

куда-то за пустые вешалки и нарочито медленно вытянул – твою мать! – настоящую винтовку. Дуло уперлось мне в подбородок, сердце застучало быстро-быстро. Насладившись произведенным эффектом, однорукий вояка наконец заговорил, лениво растягивая слова.

– Что, душара, не всех ваших мы передавили? Служил? Пасть закрой, бля, без сопливых скользко! – солдат затянулся сигаретой, словно прилипшей к его рту, и рявкнул, – Слушай мою команду, запах. Разворачиваешься на двенадцать часов и берешь курс отсюда – и на хуй. Приказ понял, солдат?

Отбитый солдафон в подтверждение своих слов толкнул меня в кадык дулом винтовки и с громким лязгом захлопнул дверь.

Я стоял и растирал горло, пытаюсь вдохнуть хоть немного помойного воздуха подъезда, пока мой неудавшийся клиент со злой исступленностью вертел ключом в замке по ту сторону.

Ну и домишко! Что дальше? Маньяки-сумасшедшие? Какой-нибудь выживший из ума старик-каннибал? Или отмороженный уголовник в бегах? Что ждало меня вверх по лестнице в этих обшарпанных и пропахшим людским дерьмом стенах?

Я бы давно уже послал этот дом и его опустившихся обитателей, но в голове продолжали крутиться одни и те же мысли – огромные счета по коммуналке, просрочка по аренде,

пустой холодильник и старенький ноут с залипающими клавишами. Оклада хватало лишь на самое необходимое, так что надеяться оставалось только на бонус за перевыполнение плана. Не мытьем, так катаньем, но я заставлю их взять ручку с логотипом «Антей-Телеком» своими грязными пальцами с нестриженными ногтями и поставить подпись «Вот здесь, здесь и здесь. И сегодняшнюю дату, пожалуйста!»

Словно послушавшись приказа отбитого на голову десантника, я отправился в квартиру напротив. Шестая. Мне всегда везло на четных числах, а после двух провалов мне была необходима хотя бы небольшая победа.

Дверные звонки в этом доме, похоже, были редкостью, пришлось стучать по старой деревянной двери, рискуя получить занозу. Внутри царил тишина. Постучав во второй раз и не дождавшись ответа, я уже развернулся было к следующей квартире, когда голая подъездная лампочка тускло замигала. Вольфрамовая нить гулко звякнула внутри стекла, и лестничная клетка погрузилась во тьму, лишь серые лучи из пыльного окна подъезда освещали маленький пяточок перед черной дверью, которая начала неспешно, звеня цепочкой, открываться.

Я медленно оглянулся, чтобы встретиться взглядом с безмолвной тенью, укутанной мраком собственной квартиры. Вдохнув воздуха, я завел свою обычную шарманку.

– Здравствуйте, я представитель компании «Антей-Телеком», меня зовут Андрей, я пришел предложить вам...

И снова прервавшись на том же самом месте, я замолчал. Ни лица, ни даже каких-то очертаний увидеть не удавалось. Безликая фигура стояла, зажатая тенями коробок, вешалок и громадного комода, угадывавшегося во мраке коридора.

Не было никакого движения или дыхания, словно дверь мне открыл манекен – как будто кто-то решил надо мной глупо подшутить и напугать. Так мы и стояли, пялясь друг на друга – я по одну сторону пятачка света, он – по другую, в густой, как чернила, темноте.

Где-то в затылке угнездились ощущение некоей неведомой опасности. Было что-то в этой молчаливой фигуре неправильное, угрожающее, заставляющее древние пещерные инстинкты орать и выть – «бей или беги». Я чувствовал, как дрожит сама ткань реальности, пока я вглядываюсь в эту безмолвную тень. В темноте что-то зашевелилось, и абсолютно неподвижная до этого фигура начала медленно клониться в мою сторону под тусклые осенние лучи, бьющие из окна подъезда. И тогда я осознал – если сейчас свет упадет на это лицо, и я увижу то, что заботливо скрывает от меня тьма, случится что-то непоправимое и неправильное в самой своей сущности. Пробормотав извинения, я резко отвернулся и взбежал по лестнице на следующий этаж, а быстрые шаги звучали в такт моему колотящемуся сердцу.

Оборачиваться я не смел, боясь даже предположить, что могло открыться моим глазам, если бы этот кто-то вышел на свет. Прижавшись спиной к обшарпанной стене подъезда с раздавленным пауком граффити на ней, я стоял и ждал, пока необъяснимо пугающий жилец квартиры на втором этаже наконец закроет дверь в свою темную берлогу. Не знаю, сколько длилось ожидание – подъезд затих вместе со мной,

и в этой абсолютной тишине не прозвучало никакого хлопка дверью. Вместо этого раздалось медленное неуверенное шлепанье босых ног по кафелю. Шлеп-шлеп, шаг за шагом неведомый ужас приближался к лестнице, и лишь шестнадцать ступенек отделяли меня от чего-то совершенно непоправимого.

Осознав, что вернуться на лестницу не смогу, я поддался панике. Подбежав к первой попавшейся двери – красный дерматин был порезан и свисал клоками, обнажая грязно-желтый поролон – я забарабанил в нее обоими кулаками, крича «помогите» так, что эхо, усиленное акустикой самого подъезда чуть ли не оглушало меня. Дверь открылась, и на пороге захламленной прихожей появилась крупная дородная тетка в бигудях, с круглым вздувшимся животом, такая высокая, что объемная грудь оказалась у меня ровно на уровне глаз.

– Чего разорался?

– Простите, пожалуйста, – затараторил я, пытаюсь судорожно выдумать какой-нибудь повод, чтобы попасть в квартиру, спрятаться от неизвестного ужаса шлеп-шлепающего по лестничной клетке этажом ниже, – Один из ваших соседей ведет себя неадекватно, я опасаюсь за свою жизнь, могу я спрятаться в вашей квартире ненадолго, или позвонить в полицию, мне...

– Ну проходи, – женщина откатилась в сторону, словно валун, закрывающий проход в пещеру. Валун в неприлично

коротком халате в цветочек, из-под которого торчали покрытые трещинами варикозных вен целлюлитные колонны, упирившиеся в серый грязный линолеум стоптанными, неестественно миниатюрными тапочками.

– Разувайся и топай на кухню! – прогремела женщина, уходя куда-то вглубь квартиры.

Хлопнув дверью – ничуть не менее порченной и с внутренней стороны – я, наконец, огляделся. Помещение удивительным образом казалось одновременно пустым и захламленным – огромный шкаф без дверей заставлял идти через прихожую боком. В нем беспорядочно висели какие-то разномастные шмотки, резвилась моль, а на дне гордо, словно на показ, блестела пузатыми боками батарея пустых бутылок. Не без брезгливости я снял свои серые от пыли после похода через пустырь кроссовки и мгновенно прилип к полу.

Кое-где пузырящийся линолеум был прорван вздыбившейся паркетной доской. За одну из таких я зацепился носком, почти с суеверным ужасом осознав, что получил занозу в этом мерзком паноптикуме. Осторожно переступив торчащую теперь почти вертикально острую щепку, я уже предположил было, что не так страшен был неведомый жилец на втором этаже по сравнению с этим гадюшником. По правую руку от меня находилась исцарапанная дверь, сделанная будто из заборных досок. Ручки не было, поэтому она была «заперта» на какую-то замызганную косынку, привязанную к торчащему в дверном косяке гвоздю. Из-за досок

до меня доносилось какое-то тяжелое сопение и ритмичный скрип панцирной кровати. Осторожно, чтобы не быть застуканным, я, повинувшись какому-то иррациональному любопытству, нагнулся и заглянул в отверстие, через которое была вдета косынка. В комнате царил мрак, ничего нельзя было разглядеть, и лишь в углу помещения угадывалось какое-то грузное копошение чего-то крупного и... Сложно было передать это ощущение, но я тут же почувствовал, что уши мои горят, а щеки стали пунцовыми – столь первобытной и животной была эта возня в темноте.

– Ты чего там застыл? – раздался недовольный голос хозяйки.

Зайдя в кухню, я еле удержался от того, чтобы зажать нос. На грязной, покрытой разводами гари газовой плите стояла мятая кастрюля с облезлой эмалью. Запах явно шел оттуда – чудовищная смесь лука, гнили и дерьма. Вся кухня являла собой упадочное зрелище – битый заляпанный кафель, изрезанная ножом столешница, ржавая раковина с каким-то мусором, сваленным внутрь. С потолка свисали несколько клейких лент с обильно налипшими на них мушиными трупиками, вокруг вились еще живые собратья.

– Ты присаживайся, – махнула толстуха гнутым половником в сторону покосившихся табуреток. Я выбрал наименее расшатанную из трех, сев за стол напротив коридора. Прожженная в нескольких местах скатерть свисала мне на джинсы, поэтому сидел я боком, лишь бы не касаться ничего на

этой омерзительной кухне.

– Прошу прощения, вас сосед из шестой квартиры меня несколько... гмм... напугал. Вы его знаете? – осторожно спросил я.

– Венечка? А то... Это управдома нашего помощник, ты его лучше не...

В вентиляции над раковиной что-то зашумело, зашуршало, словно некто шептал неразборчивые слова в трубу. Женщина вздрогнула, схватилась за живот, чуть не своротив кастрюлю с плиты, и нервно замолкла, а из-за вентиляционной решетки, будто чем-то испуганные, поползли табуны тараканов.

– Ой, сторит же все... – тетка схватила с подоконника тарелку с сигаретными бычками, вытряхнула их в раковину и налила нечто, похожее на суп, прямо в измазанную гарью керамику. Тарелка приземлилась на столе передо мной, рядом звякнула дешевая алюминиевая ложка.

– Пошамай с нами, коль приперся. Борька! – неожиданно крикнула толстуха прямо над самым моим ухом, но я даже не дернулся.

Ужас сковал все мои конечности, я чувствовал, как встали дыбом волосы на затылке, пока я смотрел на содержимое тарелки, все еще пытаюсь поверить, что все это мне только кажется, что все это только игра тени. Что в тарелке передо мной не дымится, забивая ноздри луковой вонью, скрюченный, побелевший, обваренный человеческий эмбрион.

Я уже вскочил было с места, чтобы покинуть эту проклятую квартиру, когда в коридоре хлопнула деревянная дверь, и на пороге кухни появился он.

Грузно, вальяжно, он надвигался на меня, любопытно шевеля влажным носом. Я вжимался в стенку за спиной, пока это существо неспешно усаживалось на табуретку напротив перед тарелкой с дымящейся дрянью. Всхрюкнув, он резко выбросил в мою сторону свою толстую, как окорок, покрытую светлой шерстью руку:

– Борис!

Фантасмагоричность зрелища не позволила мне опомниться. Совершенно автоматически я пожал руку толстяку со свиной головой. Приглядевшись, я конечно же увидел за-

зор и неровные стежки между маской и короткой толстой шеей, но облегчения не испытал – только настоящий псих мог пришить к своему лицу маску свиньи.

Над ней вились мухи, блестящий склизкий пятак носил на себе следы разложения, а в прорезях злобно поблескивали маленькие бесцветные глазки. Семейка психов-каннибалов. «Сейчас меняогреют по голове, свяжут и начнут есть по частям» обреченно подумал я.

– Надя, а кто этот фуфел? – проревел боров, обращаясь к жене.

Терпеть не могу, когда обо мне говорят в третьем лице в моем присутствии. Холодная злоба даже притупила чувство страха, и я постарался максимально твердо и корректно ответить:

– Меня зовут Андрей, один из ваших соседей вел себя неадекватно...

– И хуле ты здесь забыл? – агрессивно, с нажимом спросил свиноголовый, хлебая ложкой неаппетитное варево. В его тарелке, побеспокоенный прикосновением, влажно блеснул какой-то круглый предмет, похожий на детский череп.

– Я представитель компании «Антей-Телеком», я здесь, чтобы предложить вам возможности по подключению интернета, цифрового телевидения и айпи-телефонии, – заученный до зубовного скрежета скрипт позволил мне подавить рвавшийся наружу бессвязный вой от осознания того, что я оказался за столом с безумными каннибалами.

Насмешливо всхрюкнув, Борис обрызгал меня супом и обратился к жене:

– Слышь, Надюха, этот шнырь сюда и правда банковать пришел? Ой, я балдю...

– Его, поди, Управдом прислал.

– Ты это, по ерунде-то не базарь, – опасливо покосившись, прошипело чудовище, сидевшее напротив.

– Да точно он, говорю тебе, прислал его поглядеть, поняли мы чего, нет, – как-то взволнованно запричитала толстуха.

– Ты лоханку-то свою, мля, закроешь, или помочь? Думай, что ты тут тарыхтишь! – повысил голос кабаноподобный мужик, трясая головой, и из пятака посыпались мелкие белые личинки. Некоторые попали в суп.

Тошнота подкатила к горлу, я еле сдержался, чтобы не блевануть прямо на загаженную скатерть, как раз когда раковина издала громкий сосущий звук. Словно что-то внутри трубы невзначай решило напомнить о себе. Хозяева переглянулись и понимающе кивнули друг другу.

– А вы супчиком-то угощайтесь, не обессудьте уж, что без хлеба, где уж нам его теперь... Зато все свое, родное, лук вот, картошка, – неожиданно сменила тон Надежда, как-то суетливо хлопоча вокруг, протирая то и это, хлопая пустыми шкафами. Притронуться к сваренному зародышу в кольцах прозрачного лука я себя заставить не мог. Надо было валить отсюда.

– Вы простите, я, пожалуй, пойду все-таки, – я поднял-

ся было из-за стола, когда на плечо мне опустилась влажная рука хозяйки. Кожей я почувствовал напряженный взгляд Борьки сквозь прорези маски.

– Что вы, что вы, куда же вы? – как-то истерично бормотала Надежда, слегка подрагивая от возбуждения, а под ее передником что-то неравномерно пульсировало и шевелилось, – Вы уж погодите уходить, посмотрите, как мы тут обживаемся, да, Боря?

Женщина нервно взглянула на человека-свинью, словно намекая, мол, подхватывай!

– Да, так и есть, гражданин начальник, мы все поняли, осознали, вы уж хозяину, мля, так и передайте. Я больше ни капли в рот, ни сантиметра в жопу. Тихо сижу, супчик кушаю. Надя у меня – баландер первого сорта. Да вы зацените, мля! – кивнул он вновь на тарелку, которую я старался не замечать в упор.

– Уж получилось так с младшеньким нашим, с Родечкой. Боря тогда пил по-черному, уж из семьи уходить собирался, куда уж тут дитятку? Но нынче все, баста, осознала, исправилась... Мне ж его крик из мусоропровода до сих пор снится, – на глазах толстухи выступили слезы и прорезали две дорожки на грязном лице, – Ой, и Наташенька-то, такое чудо, молодец такая, ни лезвий больше не глотает, ни таблетки не пьет. Наташенька! Выйди, покажись гостю!

Из комнаты послышалось какое-то шевеление, потом звон, словно кто-то уронил на пол чашку. На пороге возник-

ла бледная, как привидение девочка лет двенадцати в короткой маечке и пижамных шортиках.

Когда тебя щекочут или бьют, можно сжать зубы и терпеть. Когда ты подготовился, настроился – то же самое работает и со страхом. Вот и я сжал зубы и терпел. Терпел то пугающее чувство неправильности, ужаса и трепета, охватившее меня, когда я рассмотрел Наташеньку получше. Со стеклянным хрустом она медленно, словно боясь упасть и разбиться, шла к матери, а мои глаза выхватывали то паутину трещин на живом теле, то пустую черную глазницу, то сколы на плечах и коленях. За стол рядом со мной садилась самая настоящая фарфоровая кукла.

– Наташенька, солнышко, ты кушать будешь?

Девочка неопределенно повела плечами, и тетка отправилась к плите за следующей тарелкой. Не знаю, что за черт меня дернул, но я рискнул осторожно, пока свиноголовый был занят своим обедом, прикоснуться к девушке.

Аккуратно, будто невзначай, я задел ее палец, ощутив холодную гладкость фарфора. Наташенька же моментально вытянулась по струнке, уставилась невидяще в стенку, будто в ожидании чего-то. Отвернувшись от девушки, я встретился взглядом с ухмыляющимся Борисом. Каким-то образом ему удалось разязвить пасть маски так, что теперь это было похоже на глумливую улыбку. Его глаза смотрели сально и довольно.

– Что, понравилась ранетка-то моя? – понимающе подмигнула мне свиная голова. Хозяин будто почувствовал некое превосходство, тяжело навалился на стол, демонстри-

руя расплывшийся партак на плече. Бледно-синие линии изображали свиную голову, а под ней надпись: «Чушок, Ст. 117 ч. 3». Поймав мой взгляд, Борис поспешил прикрыть табуировку крупной лоснящейся ладонью, – Ну? Хороша девка?

– Прошу прощения? – голос стал хриплым. Я еще не понимал, что безумный каннибал имеет в виду, но подсознание уже наполнило уши шумом крови, прилившей к голове. Перед глазами встала какая-то труднораспознаваемая картинка из прошлого, лениво вползающая в мозг, но я прогнал ее, как назойливую муху – из тех, что заполоняли кухню.

– Ну вижу же, что нравится. Ты, давай так, за нас словечко перед барином, а сам... Вот.

Короткопалая рука устремилась под маечку девочке, задрала ее, обнажив кроваво-красный сосок на абсолютно плоской груди. Тем временем свиноголовый принялся гладить девочке ноги, совершенно не стесняясь жены, которая, будто бы ничего не замечая, наливала очередную порцию своего мерзкого варева в тарелку. Наташенька сидела неподвижно, лишь тяжело дышала и смотрела стеклянным взглядом куда-то в пустоту.

– Да что вы делаете? – вскинулся я, словно забыв, на чьей территории нахожусь, – Какого хрена здесь происходит?

– Эу, начальник, ты не мельтеши, не надо тебе – так и не надо, я ж, мля, по доброте душевной предлагаю, – насупился ублюдок и облизнулся, убирая руку из промежности девоч-

ки. Язык у него был огромный, нечеловеческий, бледный, – Я же только срок скостить хочу. Чай не первоход, знаю, как дела стряпаются. Неужто на УДО не добазаримся?

– Да какое УДО? Вы с ума посходили что ли? Вон, в окно глянь – не в тюрьме ты, вышел – и иди, куда хочешь! – я указал рукой на заляпанное потрескавшееся стекло в деревянной раме. Да, неудачный пример – за окном и в самом деле были решетки, – Извините, мне пора, я пойду!

Я встал с места, собираясь уйти. Одновременно со мной с невероятной для таких габаритов скоростью вскочил и хозяин.

– Эу, я что-то не всекаю, ты по масти вообще кто? – подозрительно спросил он, шевеля пятаком, словно приноживаясь. Маленькие злые глазки внимательно осматривали меня.

– Боря, не дури, – раздалось слащаво-ласковое и оттого насквозь фальшивое предостережение от Надежды.

– По какой масти? Пропусти! – крикнул я, все же не решаясь пройти вперед.

– Кажись, юзишь ты, фраер. И на вертухая, мля, не сильно похож. Слышь, Надюха, кажись, этот чепушила во мне лоха увидел, – окликнул он жену, и та отвернулась от плиты, внимательно уставившись на меня, – Увидел, признавайся? Походу, баланда нынче послаще будет, воротит уже от потрохов этих. Надюх, что встала? Нож давай! Не впишется за него Управдом, не ссы!

Истекая слюнями, хряк приближался ко мне. Боковым

зрением я заметил, как тетка обходит меня со спины, сжимая что-то в руках. Наташка тем временем продолжала сидеть молчаливо и неподвижно. Между покатым боком Бориса и стеной был небольшой зазор. Пока оба не подошли на расстояние руки – можно проскочить. Над головой неожиданно, словно от удара, затряслась старая, с пробитым абажуром люстра, и оттуда посыпались какие-то мертвые жуки. Мой шанс.

Пригнувшись под тянущимися ко мне руками Надежды, я рванулся к свиноголовому, скользнув по его щетинистому боку и больно чиркнул по стене локтем и тазом. С хрустом что-то зацепилось за угол и выпало из кармана, отлетев куда-то под окно к батарее. С досадой я осознал, что это был мой старенький смартфон – единственная возможность вызвать скорую или полицию.

Но потерявши голову, по волосам плакать мне было некогда – жирная клешня едва не вцепилась в мое пальто. С немалым трудом я увернулся от неудачной попытки схватить меня за шиворот.

И вот, я на свободе! Делаю шаг, другой, и лечу носом в пол. Чертова доска, торчавшая из линолеума предательски толкнула меня в палец ноги, и я моментально растянулся на липком неровном полу.

Обернувшись, я увидел, что свинорылый толстяк, поигрывая грязным зазубренным ножом, медленно приближается ко мне. Жуткая, покрытая гнилостными нарывами мор-

да гадко ухмыляется, а в прорезях поблескивают плотоядные глазки. Увидев, как я пытаюсь подняться с пола, он ускорился, за ним последовала и его безразмерная жена, все еще сжимающая в руке измазанный какой-то дрянью половник. Казалось, сейчас-то все и кончится, как вдруг...

– Папа, не надо, папа, пожалуйста, хватит! – две тонкие фарфоровые ручки вцепились в ногу Бориса, и тот, споткнувшись о ту же самую доску, свалился в полуметре от меня. Жирные пальцы тут же принялись хватать меня за щиколотки, а я еле успевал выдергивать конечности из железной хватки толстых мощных рук. За его спиной спешила на подмогу женушка, но Наташенька резко толкнула стул ей под ноги, и толстуха повалилась боком прямо на мужа.

Ее замызганный халат распахнулся, какие-то пузыри, размером с яблоко, усеивавшие объемный живот полопались, и из них выпадали какие-то мелкие создания. Одно из них упало совсем близко ко мне, красное и блестящее, похожее на карамелизованное яблоко. Маленькая тварь вытянула ко

мне крошечную ручку и издала омерзительный писк. Толстяк в маске матерился на все лады, пытаясь выбраться из-под жены, толстуха же пыталась собрать рассыпавшихся младенцев, рыдая и причитая:

– Родечка, маленький мой, куда же ты раскатился, разбросался! Иди ко мне, мальчик мой, будет тебе! Ох, материнское пузо мое... Что же вы творите, мои хорошие, не убегайте, совсем холодными стать хотите? Тюря вам будет, каша-малаша, да вся в лепесточки, родненькие мои...

– Встань с меня, блядь старая! Я его урою! Иди сюда, мурдель! Ко мне иди, фуфлыжник блядский! Я тебя в кишки трахну и с говном сожру, уебок! Ко мне иди! Я тебя урою-ю-ю-ю-ю...

Под причитания, хрюканье, вой и будто бы звон бьющегося фарфора я схватил свои кроссовки, выскочил из чертовой квартиры и побежал к лестнице. Невзначай кинув взгляд между перил, я заметил, как на грязном кафеле торчит все та же темная фигура, неуверенно покачиваясь. Черт! Скрипнув зубами, я рванул по ступенькам наверх.

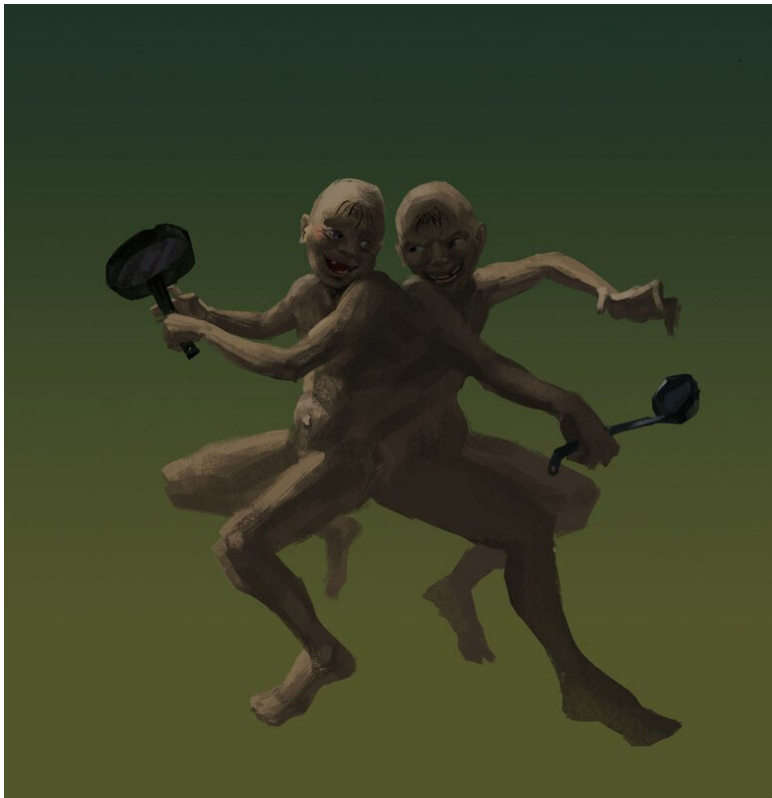
На пару этажей ниже раздавалось сосредоточенное хрюканье и повизгивание – свиноголовый искал меня. Путь назад был отрезан, и мне оставалось лишь продолжать подъем. Можно было бы миновать урода на лифте, но тот наверняка бы услышал, что я спускаюсь, и дождался бы на первом.

Я преодолевал пролет за пролетом, чувствуя, как колет в бок, как легкие стремятся наружу и темнеет в глазах. В такт

шагам сумка больно била по бедру, утяжеленная куском арматуры, который мне всучила бабка, причиняя легкий, почти приятный дискомфорт где-то в районе лба – словно оттуда пыталось прорасти какое-то зернышко. Осколок моего прошлого, стершееся воспоминание, будто из другого мира, теперь оно снова было со мной – только руку протяни.

Кажется, преследователь поотстал. Матерщина впере-мешку с животными звуками эхом разносилась по этажам, стихая с каждым моим шагом. Перед очередной лестницей я остановился передохнуть, оперевшись о перила – к таким пробежкам мой организм оказался не готов.

Вдруг откуда-то сверху раздался гадкий глумливый смешок.

Подняв голову, я уперся взглядом в какой-то древний комод, из-за которого торчали две головы, почти одинаковые, будто зеркальные отражения друг друга. Я попытался найти воздух в легких, чтобы попросить о помощи, но издал лишь сиплое шипение. Головы переглянулись, и тяжелый комод,

ненадолго зависнув на краю последней ступеньки, покати-
лся на меня, набирая скорость.

Щепки летели в стороны, ящики плотоядно выдвигались. Я мог бы успеть отскочить, но ноги настолько одеревенели, что, оторвавшись от перил, я просто свалился на заплеванный кафель, и тяжелая старая рухлядь обрушилась на меня, больно врезавшись куда-то в висок. Последнее, что я успел увидеть перед тем, как отключиться – двух пацанят, сбросивших комод, которые, казалось, срослись спинами.

– Владимирский централ, ветер шфшфшный, не кричи сука, зла немерено, лежит на сердце тяжкий груз... – голос Михаила Круга, перемежаемый помехами вырвал меня из бездны беспомыслия. В глазах плавали кровавые круги, зрение не фокусировалось. На заднем плане кто-то гнусаво причитал:

– Нихера нет! Этот мудака даже не курит! Ни бензолки, ни фена, одни бумажки! Зачем ты его вообще втащил?

– Ааа уууал уэо ох ууиэ, – подвывал второй голос.

– Да какой в жопу фунфырик, кто их вообще с собой носит? Или у тебя всегда в кармане бояра была?

– Эээ оои а эа! – возмутился немой.

– Ша, сявки, заглохли! Новосел очнулся, – рявкнул уже третий, хриплый и прокуренный голос, словно чиркнули наждачкой по дереву, – Торчок, думку закрой и гостю верни, чай не на воле!

– Гражданин смотрящий, я с полгода на тряске, трассы

просят! – жалобно ныл гнусавый, – Ханыга вообще, если под жабры не плеснет – взбесится!

– Уууы-оааа! – подтвердил некто по имени Ханыга. Чем больше я слышал, тем меньше хотелось смотреть по сторонам. Пока я видел лишь покрытый плесенью и трещинами потолок, что меня вполне устраивало. В воздухе витал запах застарелого сигаретного дыма и смрад разлагающейся плоти. Хотелось зарыться в собственное пальто, накрыться с головой и уснуть, в надежде, что кошмар просто закончится.

– Не скули, воруи-нога! У тебя уже трубы высохли от твоих мультиков! Думку, говорю, отдай! Эу, первоход, – обращались явно ко мне, – мы уже выкупили, что ты проснулся!

Ну вот и все. Короткая передышка закончилась. Сжав зубы, я медленно сел, мысленно приготовившись к любым ужасам. Представшее передо мной нечто никак не укладывалось в рамки нормальности.

Не закричать мне позволила лишь небольшая заторможенность после удара по голове.

– Ииои-оу-ы-аему-аау! – промычало чудовище. Челюсть

существа с черными пеньками зубов спадала почти на живот, глаза казались атрофированными – в них копошились мелкие личинки – а руки и ноги были тонкими и кривыми. Довершала картину огромная дыра в пол-черепа, обнажавшая гниющий, засиженный мухами мозг.

– Не очкуй, пацанчик. Выпивохин пацан ровный, но базарит нынче неразборчиво. Это он тебя «к нашему шалашу» пригласил, – обратился ко мне некто тощий и забитый наколками до полной синевы – перстни, купола, погоны и колючая проволока покрывали бледно-серую кожу полностью. Продырявленный уже настоящей «колючкой», уходящей куда-то в пол, он сидел абсолютно неподвижно, слегка склонив голову, скрытую огромной квадратной мелкоячеистой клеткой, – Ты прописывайся, фраерок. Раскинь, кто по масти будешь?

– Андрей, менеджер по продажам, – ответил я исключительно машинально, разглядывая окружение. Я снова был на кухне, но в ней не осталось никаких шкафчиков гарнитура, кроме подвешенной на соплях раковины в углу. Убитый кассетник рядом с батареей надрывался, выдавая шипение наполоам с натужными блатными аккордами. Единственное кресло, пыльное, с торчащими пружинами оставалось незанятым – компания сидела на полу.

Стены были заклеены старыми газетами, заляпаны и исцарапаны. В глаза мне бросилась какая-то размытая фотография, закрепленная над головой Ханьги. Зернистое изоб-

ражение странным образом нервировало меня чуть ли не больше, чем жутковатые обитатели этой квартирки, врезалось тонким хищным сверлом в лобные доли. Почему-то при взгляде на заброшенную стройку и неловко целующихся подростков на фото сердце мне защемило, в мозг чернильным пятном вплыли такие же истертые, размытые, будто чужие воспоминания. «Нельзя дать ей уйти!» Я потрянул головой, прогоняя непрошенные мысли.

– А я – Паша, Пахан то есть, знакомы будем, – перевитая колючей проволокой узловатая ладонь протянулась ко мне, и я с неохотой пожал ее, – Ханыга, соответственно, и Торчок. Скоро Анжелка-Профура еще вернется.

Торчок все еще сидел рядом с моей сумкой, плотоядно поглядывая на нее. Безногий уродец был весь покрыт некротными пятнами и порченными венами, которые я поначалу принял за татуировки. Пустые бельма бессмысленно пялились на меня, пока пальцы со шприцами на месте ногтей сосредоточенно обыскивали пол вокруг.

– По какой статье, листва? – продолжал допрашивать Пахан.

Почему-то я и правда почувствовал себя, будто в тюрьме – решетки на окнах лишь добавляли атмосферы, поэтому я ответил просто:

– Не знаю.

– Каждый фраер знай свою статью! – строго просипел татуированный, – Ты чего на лестнице-то отдыхал? Думали –

змурик! Уж мечтали – пообедаем, а ты, падлочка, дышишь?

Перспектива стать обедом для этих уродцев ужасала и одновременно казалась выходом из бесконечного кошмара. Устало вздохнув, я просто смирился с окружающей меня фантазмагорией.

– Какой-то свиноголовый с третьего уже пытался меня сожрать, – с нервным смешком сказал я.

– Борька что ли, Чушка который? Ну, схарчить – еще куда ни шло, там варианты есть, – смешливо прогнусавил Торчок.

– Варианты? – недоуменно переспросил я.

– Еще бы! Борян-то известный взломщик мохнатых сейфов! Две «мокрые девы» на нем и дочурка в довесок. Насадит на кучерявый пень – как посрать сходит! – с ненавистью шипел тощий в проволоке.

– Ага-ага! Береги одежду снова, а тухлую вену – смолоду! – добавил наркоман, и Ханыга неумело рассмеялся, разбрызгивая вонючую слюну из своей гипертрофированной челюсти.

– Ты с Чушкой не корешись особо, шнырь он, для Управдома шерстит, вынюхивает, – продолжал Пахан.

– Да какой такой Управдом? – нервно воскликнул я. Весь этот цирк уродов в тюремном антураже начинал откровенно надоедать. Торчок уже было открыл рот, чтобы ответить, когда в коридоре хлопнула дверь.

– О, Профура вернулась! – радостно скрипнул татуированный.

На кухню неловко и одновременно изящно вошло существо. Ее можно было бы принять за женщину – длинные, крашенные в блонд волосы, красная мини-юбка, стриптизерские туфли. Но странная походка придавала ей сходство с

животным – она перемещалась на четвереньках, отключив аппетитный зад кверху, царапая выцветший паркет огромными красными ногтями. На шее у создания болтался лакированный клатч, а ее когда-то миловидное личико было рассечено надвое и неровно сшито посередине. Густо накрашенные ресницы будто бы ощупывали воздух, вздернутый носик хищно шевелился. Взгляд задернутых поволокой глаз вперился в меня.

– А кто это у нас тут такой симпатичный? – промурлыкала Анжела, приближаясь ко мне.

– На хату к нам заехал сегодня, первоход, – отозвался Пахан.

Девушка медленно и вальяжно, словно тигрица кралась в мою сторону, немного скалясь. Ее полная грудь колыхалась в широком вырезе футболки, поглощая мое внимание. Мелькнуло красное пятно соска, и я, зардевшись, отвернулся. «Не время и не место» – одернул я сам себя.

– Принесла? Принесла? Ну скажи, что принесла? – неуклюже перебирая длинными тощими руками ковылял ей навстречу Торчок.

– Принесла-принесла, отстань только! И к Ветерану теперь сам ходи – он бычки о спину тушит! – Профура залезла длинными тонкими пальцами в клатч и швырнула наркоману полувыдавленный тюбик клея. Тот в блаженном экстазе забился куда-то в угол. Вскоре над его головой раздулся пакет.

– И как же тебя зовут, красавчик? – прыгнув, словно пантера, существо преодолело расстояние, отделявшее меня от нее, – Что у тебя есть с собой? Не хочешь поделиться с Анжелой? За маленький подарок Анжела покажет тебе, что умеет.

Длинный лопатоподобный язык, как у собаки вытянулся из ее рта и лизнул меня в подбородок. В голове шумело, мысли путались. Я понимал, что отсюда нужно валить, но меня не отпускало чертово любопытство – каково же это, с таким языком...

– Эу, алюра, уймись, а то я тебе мигом фары помою, – подал голос клеткоголовый, вырвав меня из транса, – Он человек новый, не в курсах еще, что к чему.

Анжела резко развернула голову к уголовнику, шея с хрустом вытянулась в его сторону.

– Пасть завали, шакал позорный! Работать мешаешь! – прорычала она.

– За шакала мы с тобой после пожую, а пока оставь паренька в покое, он пока не в курсе, до чего ты баба лютая.

– А я ему сейчас продемонстрирую! – плотоядно оскалилась Анжела и прыгнула к Пахану, метя торчащими клыками тому в пах. Стоило этим двоим сцепиться, как Ханыга грозно замычал и ринулся в кучу-малу, похоже, соблюдая в драке абсолютный нейтралитет.

– Расползаться тебе в мазу, пацанчик, – гнусаво заметил Торчок, не отрываясь от пакета с клеем. Подхватив распрошенную сумку, я рванулся к двери и вылетел наружу,

подгоняемый раздающимися из квартиры визгами Профурь, крихтением Пахана и неразборчивым воем Ханьги.

Я перепрыгивал через ступеньки, рискуя упасть и разбить себе нос, преодолевал пролет за пролетом, спускаясь на первый этаж. Меня больше не волновала ни семейка каннибалов, ни странный обитатель квартиры на втором этаже. Все, чего я хотел – это вырваться из проклятой девятиэтажки и забыть все произошедшее здесь, как кошмарный сон, никогда не возвращаться в этот сонный, загнивающий райончик и не вспоминать вываренный эмбрион, плавающий в тарелке, полной кровавого поноса.

На пути мне никто не встретился, и я, подгоняемый инерцией и ужасами, оставленными позади, все продолжал спускаться, но лестница никак не заканчивалась. Взглянув в щель между перилами, я увидел, что этажей внизу осталось чуть ли не больше, чем наверху. Да как такое вообще возможно?

Чем ниже я спускался, тем более запущенный вид имел подъезд. Двери квартир выглядели сгнившими, под дерматиновой обшивкой будто бы что-то шевелилось, а номера превратились в ржавые нечитаемые иероглифы. Некоторые ступеньки осыпались потрескавшимся бетоном, когда я на них наступал. На одном из пролетов перила были выворочены и торчали в проходе – пришлось прижаться к заляпанной не пойми чем и исписанной стене подъезда. Штукатурка сыпалась мне за шиворот, в углах клочьями висела паутина. На

каком-то из этажей на глаза мне попало свисающее из-под окна осиное гнездо.

На одной из лестничных площадок я остановился, чтобы перевести дух. Обыскал сумку – не завалилась ли где бутылка воды, но мне как всегда не повезло. Лишь бесполезные рекламные проспекты и кусок арматуры, врученный мне бабкой. Я повертел тяжелую штуку в руках. С чего я вообще взял, что это та же самая, что и двенадцать лет назад? Кто знает, вдруг у бабки просто маразм, и она всучила мне обычный строительный мусор, а я напридумывал себе невесть чего? Но зерна сомнения гнили, не успевая залечь в сознании – в руках я держал ровно ту же штуковину, что и тогда. Выщербленка по краю, заостренный конец снизу, угол наклона... Я помню все до мельчайших деталей – это точно оно. Никакой ошибки быть не может. Растерянно я сунул железку в сумку и собрался двигаться дальше, когда услышал ритмичное позвякивание за спиной.

Обернувшись, я обомлел. Казалось, уже ничто сегодня не сможет выбить меня из равновесия, но этому существу удалось.

Оно что-то проквакало вопросительно, не прекращая помешивать половником бурое варево в одной из многочисленных кастрюлек, росших у твари прямо из спины. Перебирая бесчисленными обезьяньими лапами по полу, нечто подошло ко мне поближе и снова зашевелило уродливой, разделен-

ной надвое поперек челюстью. Кваканье повторилось, уже с нажимом. Множественные пузырчатые глаза, слепленные в черные комья, пялились на меня, лишённые всякого выражения. Одна из лап потянулась за спину, зачерпнула пальцем кипящей дряни и отправила каплю в рот, после чего тварь замычала – горестно и отчаянно.

Сознание очнулось, запротестовало, отказалось размышлять и анализировать, отдав ногам простой приказ – бежать. Обросший кухонной утварью паук загоразивал лестницу, ведущую вниз, поэтому я развернулся и побежал обратно, туда, где происходящее было пускай и тошнотворно, но объяснимо.

Пробегая мимо очередного приквартирного коридора, я споткнулся и, пытаясь не упасть, схватился за одну из прогнивших дверей. Та распахнулась, и я пребольно шлепнулся на потрескавшийся кафель. Хотелось так и остаться, закрыть глаза и лежать, просто ожидая, пока паукоподобный уродец поднимется за мной, расчленит и сварит в своих бесконечных кастрюльках, растущих на спине. Но, похоже, к такой участи я был не готов, потому что когда в коридоре за открытой дверью на полу вздыбилась какая-то тестоподобная масса, я тут же вскочил на ноги и продолжил бег. Краем глаза я успел увидеть полужидкую руку и расплавленное, стекающее вниз скорбное лицо посреди ожившей белой дряни.

Не знаю, сколько бы мне еще удалось пробежать. Иногда так бывает, что удача улыбается тебе в самые неожиданные

моменты. За спиной раздалось скрип и скрежетание, точно что-то большое и металлическое пыталось пролезть в узкий проход. Обернувшись, я увидел перед собой гостеприимно распахнувшиеся двери лифта, тускло освещенного захватанной и покрытой сажей лампой. Возблагодарив небеса, я рванулся внутрь, прочь от паукообразной твари и печальной квашни в квартире.

Стоило мне сигануть в кабину, как двери хищно захлопулись, едва не прищемив мне ногу. Кнопки были оплавлены, залеплены давно окаменевшими кусками жвачки, и различить, какая какой обозначает этаж было решительно невозможно. Над желтой клавишей вызова диспетчера и красной – остановки лифта – должна была находиться кнопка первого этажа, но вместо нее была лишь черная, с бахромой вырванных с мясом проводов дырка.

В отчаянии я стукнул кулаком по панели, кабина дернулась и куда-то меня повезла. Судя по ощущениям, наверх. Очень хотелось присесть, но пол хлюпал под ногами, а застарелый запах мочи не позволял предположить, что это вода.

Лифт продолжал свой медлительный подъем с натугой и скрежетом, когда я вдруг услышал, как из динамика на панели раздалось шипение. Диспетчер! Ну конечно, как я раньше не догадался! Забыв о брезгливости, я почти прильнул лицом к грязному металлу и заголосил:

– Пожалуйста, на помощь! Я застрял в доме на...

Стоп! А какой у этого дома адрес? Я внезапно поймал се-

бя на мысли, что не могу вспомнить, ни на какую улицу выехал, ни на какой остановке сошел, даже не мог вспомнить, что вбивал в навигатор смартфона, который теперь валялся на полу в квартире каннибалов. К черту, не важно!

– Я в девятиэтажке, в той, что на поле, я не могу отсюда выбраться, меня преследуют...

– Я знаю, где ты, Андрей, – голос, раздавшийся из динамика, казалось, весь состоял из помех и скрипа, звучал, словно говорящая игрушка, батарейки в которой садилась, – Тебе не нужно никуда выбираться. Ты на своем месте.

– Кто вы? На каком месте? Помогите мне! – истерика, уже начавшись, и не думала прекращаться. Видимо, какая-то часть моего сознания все еще верила в то, что у этого кошмарного сна есть конец.

– Но его нету, Андрюша. Тебе здесь самое место. Ты останешься с нами, осознавать и раскаиваться, – слова звучали, как шум в вентиляции, как стук мусора, падающего в мусоропровод, как гудящие трубы, как искрящая проводка, – Здесь истинное убежище для порочных.

– Я не порочный! – надрывался я, стараясь заглушить червячок сомнения, который вторил голосу из панели: «Здесь тебе самое место!»

– Прислушайся к себе. Вспомни, что ты сделал. Загляни в свою сумку – старуха-доносчица передала мой подарок? Маленькое напоминание из прошлого? Ты ведь не забыл? Столько воды утекло... – голос зашумел, напоминая туалет-

ный смыв, – Если так – ничего, мы все здесь, чтобы ты вспомнил.

– Чего вам от меня надо?

– Ты не исключение, не льсти себе... Вы все повидали немало ужасов, но теперь вы в безопасности, вздохни спокойно. Мы станем для тебя уютным домом. Не мешкай, найди что-то свое, места хватит всем. Нежно разлагающуюся постель, в которую можно прилечь... – шипело нечто пробитым котлом.

– Что ты такое? – возопил я в отчаянии, и мне ответил сам лифт, щелканьем кнопок, скрежетом дверей, стуком снаружи и шуршанием динамика:

– Мы – Управдом!

Двери открылись, и я выбежал, затыкая уши, лишь бы не слышать этого дьявольского шепотка, но, казалось, я вынес его из зассанной кабины в собственной голове. Выйдя на площадку, я огляделся и увидел лестницу, ведущую на крышу. Закрытая решетчатой дверью с ржавым замком, она была скрыта тьмой лестничной клетки, но я чуть не разрыдался от счастья. Когда уже казалось, что дом чудовищен и бесконечен, что у него нет ни верха, ни низа, я нашел подтверждение тому, что у кошмара есть границы. Можно ведь кричать с крыши, пока тебя не услышат прохожие, можно кидать всякий мусор вниз, можно по крайней мере скрыться от чудовищных жильцов этой обители кошмаров.

Подарок «старухи-доносчицы», как ее назвал голос, ока-

зался весьма кстати. Я орудовал вернувшимся из прошлого куском арматуры, будто фомкой, раскачивая давно прогнившую дужку замка, пока тот с лязгом не свалился к моим ногам. Путь на крышу был свободен.

Снаружи моросил тот самый гадкий дождик, сопровождавший меня по дороге в этот гадюшник. Холодные капли отрезвляли – увиденное в доме на секунду показалось страшным сном, но изогнутый кусок арматуры в руке убеждал в обратном – все предельно реально. Гудрон топорщился под ногами, многочисленные погнутые антенны казались все теми же высохшими зарослями борщевика.

Серое бесцветное небо заставляло поверить, что время остановилось – что никогда больше не наступит ни ночь, ни рассвет. Сам не зная, зачем, я подошел к самому краю крыши и посмотрел вниз – грибок засранной песочницы, облезлая «паутинка» и козырек подъезда, на котором скопился мусор.

Наверное, я бы шагнул вперед – прыгнул бы прямо в бездну, лишь бы никогда не возвращаться в эти обшарпанные вонючие конуры с их жуткими обитателями. В конце концов, я это заслужил. Но некто прервал мои размышления – схватил за шиворот и прислонил к шее какую-то острую железку.

– Не дергайся, – раздался из-за спины хриплый девчачий голос, – Кто такой?

– Андрей я, я не хочу проблем! – я устало приподнял руки.

– Не шевелись, сука! Железяку брось!

Я послушался. Почему-то кусок арматуры я бросил не с крыши, а рядом, на гудрон, словно он имел для меня какую-то ценность. Отчасти так и было.

– Погремуха твоя какая? Отвечай! – меня ткнули в спину. Стоило большого труда устоять на ногах и не полететь с крыши – вдруг, вопреки моим недавним намерениям, отчаянно захотелось жить.

– Нет у меня погремухи! Андрей я! – я старался отвечать спокойно, чтобы не спровоцировать очередного уродца.

– Давно здесь?

– Часа два-три, – точнее сказать было сложно.

– Так ты...

Я почувствовал, как давление неведомого лезвия ослабло, а потом и вовсе пропало. Медленно, чтобы не нервировать незнакомку, я повернулся.

Уродкой она, конечно же, не была. Обычная девчонка, чуть младше меня. Рыжие волосы торчали сальными прядями из-под капюшона, лицо измазано какой-то сажей, одета в джинсы и куртку из искусственной кожи. На тонкой белой шее болталось бритвенное лезвие на тонкой цепочке. В руке

зажат заостренный кусок жести.

– А я – уже две недели, – ответила она, будто бы невзначай натягивая рукав на запястье. Тут-то я и заметил, что с девчонкой не так. Ее рука тлела – в самом прямом смысле, бледным слабым пламенем, просвечивающим сквозь трещины в коже, точно в обугленном бревне. Под капюшоном слабо светилась еще одна большая трещина, рассекавшая лоб надвое.

– Так ты... из этих? – разочарованно протянул я.

– Из уродов? Нет. Хер меня кто пропишет! – тряхнула девчонка волосами, – Здесь он до меня не доберется.

– Кто?

– Управдом. Ты с ним уже... Ты его слышал?

– Да, – кивнул я. Вспомнив жуткий голос в лифте, я почувствовал, как ноги становятся ватными, а в ушах гулко бухает сердце. Лучше отойти от края, от греха подальше.

– Так ты...

– Арина. Просто Арина. Без кличек, понял? – девчушка угрожающе ткнула обрезком жести в мою сторону.

– Понял-понял, – я поднял руки в примирительном жесте, – Ты вообще знаешь, какого хера здесь происходит?

– А сам как думаешь? – зло спросила она.

– Не знаю. Может, мы умерли? Попали в ад? Такой, российский? С решетками на окнах и отбитыми зеками вместо чертей? – полушутливо предположил я, внутренне надеясь, что ошибаюсь.

– Ну, тогда, наверное, мы умереть не можем, так? – неожиданно девушка ткнула меня острым куском в руку, поцарапав до крови.

– Ай! Ты чего? – я машинально прижал царапину к губам.

– Видишь? Не похоже на смерть, – безразлично откомментировала Арина, – Скорее, на какой-то правительственный эксперимент.

Сознание кипело. Остаться здесь, на крыше, или там, внизу решительно не хотелось. Взяв себя в руки и подмяв панику логикой и расчетливостью, я принялся искать выход. Мужик я, в конце концов, или нет?

– Думаешь, они так могут? Ты пыталась выбраться?

– Спрашиваешь, – горькая усмешка исказила когда-то красивые, а теперь разбитые и искусанные губы, – На всех окнах решетки. Сидят крепко, не выломаешь.

– А с крыши если... – предположил я, холодея от одной лишь мысли о таком спуске.

– Ты вообще видел, кто здесь живет? Столкнут, как пить дать. По лестнице уже спускался?

– Да... А ты?

– Сорок этажей прошла. Дальше не получилось, – ее плечи дернулись, будто сами, независимо от воли хозяйки.

– Почему? Что там?

– Внизу... – девушка замолчала, ее зеленые глаза вперились куда-то в пустоту – туда, где тянулись бесконечные замусоренные поля и виднелись вдали серые пятиэтажки. В

глубине ее взгляда плескалось что-то, оставившее несмываемый отпечаток на душе девушки.

– Ну? Что там? – поторопил я.

– Неважно, – она отмахнулась, помотав головой, – У тебя поесть что-нибудь найдется?

– Извини, – я приоткрыл сумку, показывая ее нехитрое содержимое – остатки рекламных буклетов, папка с предложениями, ключи от квартиры, документы. Ничего полезного.

– Как ты сюда попал?

– Я менеджер по продажам, – закрыв сумку, я устало уселся на мокрый гудрон, – Продаю договоры на интернет. Начальство послало по заявке.

– Сюда? Ты хоть адрес помнишь? – встретив мой удивленный взгляд, она усмехнулась, – Не мучай башку, никто не помнит. Кажется, это место вообще нигде не находится.

– А зачем сюда пришла ты?

– Репетиторствую я. К ЕГЭ готовлю, – развела она со смешком руками, – Близнецов видел? Вот к ним и шла.

– Близнецы? – я задумался. В память неохотно всплыла слипшаяся тень, что сбросила на меня комод с лестницы.

– Ага, те, что спинами срослись. Тараканиха сказала, что они собственную мать уморили – то ли отравили, то ли еще что.

– Подожди-ка! – картинка начала медленно вырисовываться в голове, – А вот эти... огоньки на тебе? Откуда они?

– Сами появились. Чем дальше находишься в доме, тем быстрее меняешься. Только на крыше остановились, – Арина задумчиво подняла тлеющую кисть и пошевелила пальцами, – Наверное, все же это ад, раз мы страдаем за грехи наши.

– Так ты что-то сделала? Что-то нехорошее? – заинтересованно спросил я.

– А тебя ебет? Все мы что-то сделали, и ты тоже, иначе бы здесь не оказался! – безразличие снова сменилось агрессией.

– Подожди, я просто пытаюсь понять, как нам отсюда выбраться! Может, так мы пойдем, зачем вообще нужно это место? Может, нам нужно покаяться?

– Покаяться? – хмыкнула она, – Ну давай, покаемся. Я сожгла свою сестру заживо. Покаялась? Твоя очередь!

– Подожди, как это «сожгла»? Специально что ли? – задница мерзла, пришлось встать на ноги.

– Нет, конечно, – девушка обняла голову руками и села прямо на опасно накренившееся ограждение, – Дом загорелся, когда мы в прятки играли, лет по шесть нам было. Дом был небольшой, деревянный, в два этажа. Ленка куда-то зашкерилась, хорошо так спряталась, а она мелкая, я ее все найти не могла. Тут дым пошел с чердака – проводка, наверное, заискрила. Отец меня в охапку – и на улицу. И все спрашивал, где, мол, Ленка. Я вижу – крыша горит, Ленку небось уже и не спасти, а за батю испугалась. Ну я и соврала ему, мол, к соседям сеструха пошла. Уж не помню, что сказала.

Отец, когда ее труп нашли, два месяца пил, все простить себе не мог. А потом повесился. И виновата во всем этом я!

На этих словах обуглившиеся руки и лицо ярко вспыхнули, вырвались тонкие язычки пламени. По щеке Арины прокатилась одинокая слеза, которая тут же испарилась, оставив блестящую дорожку.

– Послушай, но ведь твоей вины в этом нет, – постарался я ее успокоить, – Ты всего лишь хотела спасти отца, ты не могла знать, что так выйдет...

Увидев глаза Арины, я осекся – девушка смотрела на меня со злобным ожиданием.

– Твоя очередь! – с нажимом сказала она.

– Какая очередь, ты о чем?

– Покайся! – выкрикнула рыжая, красивое лицо исказилось яростью, – Я душу тебе открыла, твоя очередь!

– Слушай, ну я ничего такого не вспомню даже, – ответил я, отступая назад. Где-то в районе лба угнездилось ощущение, что я ей соврал, – Я за всю жизнь даже собаку не пнул...

– Сука, ты набать меня решил? Говна кусок! – резко сорвавшись с места, Арина бросилась на меня, сбила с ног, и мы покатались по крыше. Ее раскаленный кулак болезненно врезался мне в руки, которыми я прикрывал голову, высекал искры из плеч и локтей, но я смиренно принимал удары. Будь я проклят, если еще хоть раз в жизни позволю себе ударить девушку. Как назло, змеем-искусителем под руку подполз изогнутый кусок арматуры, тот самый, которым...

– Ублюдок! – кричала Арина, не переставая меня колотить, пока я пытался откатиться подальше от сыплющегося на меня града ударов, – Покайся! Я хочу знать, что ты сделал! Ты должен, понял? Думаешь, здесь только я порочная? Мы все такие, сука!

Встав на ноги, девушка начала меня пинать ногами. Я, не разбирая дороги, полз по мокрому гудрону, пока не уперся в низкий заборчик, которым заканчивалась крыша.

– Мразь вонючая! – я почувствовал, как железная хватка Арины цепляется за пальто и протаскивает меня прямо под заграждением. Голова кружится от вида такой далекой и одновременно очень близкой детской площадкой. Мой торс повисает в воздухе, я болтаюсь вниз головой. Бесконечная степь топорщится грудями мусора и словно накрывает меня, готовясь поглотить. Скосив глаза, я вижу бесконечную вереницу окон, забранных проржавевшими, но крепкими решетками. Лишь на втором этаже я замечаю...

– Стой! Подожди, пожалуйста! – крикнул я со смесью ужаса и надежды в голосе, – Решетки не на всех окнах! Я вижу! На одном нету! Втащи меня обратно! Мы можем выбраться!

Несколько томительных, бесконечно долгих секунд ожидания, и я почувствовал, как Арина тянет меня за ноги. Я снова оказался на твердом гудроне, который мне хочется целовать от радости. Голова кружилась, сердце бухало в ушах, запоздало гоняя адреналин по сосудам.

– Лучше бы я тебе втащила! – Арина сплюнула совсем

рядом с моим лицом, – Ну? Где там нет решетки?

– На втором! Слева! – я пытался отдышаться, выкашливая слова вместе с воздухом, – Там решетка торчит выломанная. Окно свободно.

– Второй слева, – задумчиво повторила Арина, – Шестая квартира. Венечка, сука!

– Что за Венечка? – встав на ноги, я снова уселся на гудрон – ватные колени отказывались держать вес тела.

– Вертухай Управдомовский! – с ненавистью выплюнула девушка, – Вот, значит, кто выход сторожит.

– Ну, справимся как-то, нас же двое! – подбодрил я Арину и вдруг похолодел от ужаса. Перед глазами встала картинка – тощий черный силуэт, неподвижно застывший в темноте коридора. Шлеп-шлеп. Где-то в затылке снова угнездилось ощущение чего-то непоправимого и кошмарного, что случится, стоит мне увидеть его лицо.

– Вспомнил? – хмыкнула рыжая, тряхнув торчащей из-под капюшона челкой, – Вот и справляйся!

– Но должен же быть какой-то выход! – плаксиво возразил я, – А что если как-то, ну, не знаю, отвлечь его, прошмыгнуть?

– Где, между ног? – девушка неприятно, по-лошадиному хохотнула.

– А хоть бы и так, – со злобой ответил я, – Думаешь, лучше здесь, на крыше с голоду сдохнуть? Чем ты, кстати, две недели здесь питалась?

– Картохой и луком, – неприязненно ответила она, – Не радуйся, кончилось все. Мамашкин огород-то два на два, всей картошки на пол-кастрюли. Хоть не сырой жрала...

Она покрутила перед глазами свою горящую кисть.

– Ну вот и... – я развел руками, не зная, что сказать. Последний аргумент произносить не хотелось, но еще менее привлекательной перспективой казалась мне голодная смерть здесь, на крыше. Или еще хуже – жизнь там, внизу, в грязной халупе. «Даже не жизнь, а превращение» – поправил я сам себя, вспомнив тот белый кусок теста с глазами, увиденный мной на одном из нижних этажей. Наконец, я решился:

– Хотя бы один из нас выберется.

Я увидел в глазах Арины холодный блеск, когда та согласнo кивнула. Каждый из нас – и это было видно – хотел, чтобы выбрался именно он. Вернее, она. Но это мы еще посмотрим.

– Ладно, как-там-тебя, поднимайся! – девушка протянула мне обычную, не объятую пламенем руку, – Какой план?

Подобрав слегка проржавевший изогнутый кусок арматуры, я сунул его за пояс.

– Будем прорываться.

– А Управдом? Как быть с его болтовней? – в голосе Арины я уловил страх.

– Просто его не слушай, – ответил я, беря девчонку за плечи, – Ты ни в чем не виновата, как и я. Нам не место здесь.

Жестяная дверь – та самая, от которой Арина оторвала

заостренный кусок, зажатый в ее руке, со скрипом впустила нас обратно к лестнице с крыши. Внутри было тихо. Даже как-то подозрительно тихо.

– Опять замок, – вполголоса сообщила девушка, указывая на решетку. Она, кажется, тоже чувствовала напряжение, прямо-таки витавшее в воздухе.

– Сейчас, – привычным движением я просунул импровизированный лом под дужку и принялся ворочать арматуринной, издавая оглушительный скрежет.

– Тише ты! – одернула меня Арина, но я лишь пожал плечами – что, мол, тут поделаешь?

Наконец, замок раскрылся – я поймал его в руку, не дав тому упасть. Мы и так наделали достаточно шума.

Со скрипом металлическая решетка медленно отворилась. Прижав палец к губам, я первый вышел на площадку, стараясь не сильно топтать по кафелю.

Вдруг, заставив меня вздрогнуть, двери лифта с громышанием раскрылись. Внутри было пусто, лишь неразборчиво шуршал динамик на панели.

– Фшшш... Пшшш... Меня слышно? Опять балуемся? – раздался искаженный помехами старушечий голос, – Ей-богу, перестану я принимать вызовы... Фшшш... Дом уродов, чтоб вы провалились!

– Нет, стойте! – плюнув на соблюдение тишины, я в два прыжка оказался у динамика, – Пожалуйста, вызовите кого-нибудь! Вытащите нас отсюда!

– Батюшки, не ори ты так! – недовольно ответил голос, – Фшшш... у вас происходит?

– Мы застряли в этом доме, отследите вызов, пришлите полицию, МЧС, пусть вызволят нас отсюда! – в панике кричал я.

– Зачем? – хитро скрипнула диспетчер. Последовало недолгое молчание, а чуть погодя динамик принялся выплевывать гадкие тяжелые слова, трансформирующиеся в тот самый голос, состоящий целиком из помех, – Тебе ведь здесь самое место. Твоей мелкой порочной душонке.

«Душонке?» – мысленно переспросил я. Значит, все-таки...

– Это не ад, не глупи, – шептала статика, – Для таких, как вы, есть место и на Земле. Не обязательно умирать. А вот прописаться – обязательно. Найди себе нежно разлагающуюся постель и останься...

– Не слушай его! – взвизгнула Арина, выдергивая меня из лифта, двери которого спустя секунду хищно захлопнулись.

– От себя все равно не уйдешь! – разносился многократно усиленный эхом шепот Управдома, – От себя не уйдешь!

– Бежим! Быстрее! – девушка ткнула меня локтем в бок, выводя из ступора.

Колотя ногами по ступенькам и прыгая через целые пролеты, мы бежали, обгоняя друг друга, стремясь поскорее покинуть этот жуткий дом.

– Осторожно! – раздалось из-за спины. Я молниеносно

обернулся, увидев искаженное ужасом лицо Арины, как раз когда что-то тяжело ударило меня в бок.

– Правее, дебил! – раздался детский голос откуда-то сверху, и мне пришлось почти залезть на перила, когда нечто тя-

желое и скользкое врезалось в ступеньки, плюясь желтоватыми, похожими на зубы осколками.

– Сам debil, давай наверх! – ответил второй близнец, направляя склизкое щупальце в сторону, отчего неведомо как закрепленный на слизнеподобном теле какой-то твари унитаз качнулся и вновь попытался ткнуть меня своим острым, ощерившимся осколками боком.

– Вытягивай! – сросшиеся спинами говнючата синхронно потянули коричневые, блестящие от слизи «уздечки» на себя, и отвратительный слизняк медленно пополз вверх по лестнице, грохоча плохо закрепленным бачком.

– Назад! – взвизгнула Арина, выставя перед собой острую жестянку на манер шпаги.

– Хер те в зад! – насмешливо хором ответили близнецы, пока их «скакун» медленно взбирался по ступеням, оставляя за собой жирную слизь.

– Ты мужик, сделай что-нибудь! – выкрикнула девушка со смесью страха и презрения, пялясь на меня. Чудовищный слизень теснил нас к стенке, оставляя дорогу лишь наверх. Лихорадочно ища решение, я зацепился глазом за покореженные, смещенные ударом унитаза перила. Образовавшаяся дыра казалась достаточной, чтобы пролезть.

– Сюда, быстро! – крикнул я, отгибая кусок перил арматурой, царапавшей мне ладони своей рифленой поверхностью. Девушка с легкостью проскользнула в открывшуюся щель на этаж ниже, а вот я застрял. Ноги болтались в невесомо-

сти, а почти у самого лица влажно переливалась плоть неведомой твари, которой управляли рыжие, похожие, как две капли воды, близнецы. Лыбясь своими дырявыми деснами, дьяволята мерзко хихикали, готовясь раздавить меня тяжелой громадой грязного унитаза. Фаянсовый монстр наклонил свою слепую голову, демонстрируя мне возбужденно пузырящееся и шкворчащее содержимое слива.

– Давай, башкой в унитаз! – расхохотались близнецы, направляя гадкие усики создания вперед, прямо на меня.

Зажмурившись, я приготовился к столкновению, когда вдруг кто-то снизу схватил меня за ноги и резко потянул. Распарывая пальто, чувствуя, как бетон и металл сдавливают ребра, я свалился вниз, прямо на лестничный пролет. Арина меня поймать не удосужилась, поэтому удар о ступени выбил весь воздух из легких, а нога хитрым образом изогнулась, боль пронзила все тело до самого позвоночника. Грудь горела и кровоточила, а рыжая бестия лишь отряхнула руки и похлопала меня по плечу.

– Вставай, бежим!

С трудом поднявшись, я захромал вниз по лестнице. Кажется, я повредил ногу – теперь приходилось опираться на перила. Арине тоже пришлось замедлить ход – видимо, она понимала, что без меня Венечку ей не одолеть.

– Давай же, ну! – она перекинула мою руку себе через шею, помогая мне идти, но скорости это прибавило не сильно.

– Ты этажи считаешь? – вдруг спросила она, и я с ужасом понял, что не знаю, сколько мы уже прошли. А что если мы снова спустимся туда, вниз? Сможем ли оттуда выбраться?

– Нет, – обреченно прохрипел я.

– Ищи дверь с красным резаным дерматином – это я постаралась. Там Чушка живет, это третий, а нам второй нужен.

– Это кого ты Чушкой назвала, сладкая? – раздалось этажом ниже мерзкое похрюкивание. Сердце замерло – голос каннибала со свиной головой спутать было сложно. Через щель между лестничными пролетами я видел лоснящуюся жиром спину, торчащие обгрызенные уши и грязную, когда-то бывшую белой, майку.

– Ну что, фуфел, думал, не найду тебя? – похрюкивал Борька, – Думал, схоронился? Я тебя, сученыш, с говном сожру!

Свиноподобный мужик резко вспрыгнул на перила, и неожиданно ловко для своей комплекции оказался прямо перед нами. Влажный, изъязвленный пяточок возбужденно вытягивал воздух, в уголках мерзких хитрых глазок, пристально оглядывающих Арину копошились мелкие желтоватые личинки.

– И ранетку с собой привел! – радостно повизгивал Борис, – Два в одном! Хороша ранетка, не думал, что свидимся. Хозяин-то мне шепнул, да! Кто Хозяину служит, того к боженьке без доклада пускают!

– Не подходи! Не подходи, тварь! – Арина выбросила вперед руку с импровизированным лезвием, агрессивно размахивая им перед собой.

– Ну-ну, успокойся! – свиноголовый медленно надвигался, растопырив руки, и затянул визгливым басом, – На свида-а-анку ко мне, ты пришла вся в мехах, вертухай мне завистливо...

– Але, Чухан! – раздалось вдруг у него из-за спины, – Че за беспредел? Ты первохода почему прессируешь?

Поглядев вниз, я увидел Пахана – тот стоял, натягивая мотки колючей проволоки, ведущие в квартиру. Рядом Ханыга что-то подвывал своей стекшей к груди пастью, а в их ногах ползал похожий на калечного паука Торчок.

– Не твоя компетенция, старик! – отозвался Борис, продолжая плотоядно оглядывать нас, – Он ко мне на хату вписался, бардак устроил, жену уронил. И от Хозяина приказ – прописку ему устроить.

– Мне похеру, на кого ты там шерстишь! Беспредела на моей киче не будет! – хрипло гаркнул Пахан, гневно потряхивая клеткой на голове.

– А ты меня останови, чмо пархатое! – бросил свиноголовый, возобновив пение. Хищно ухватившись за перила, он продолжил надвигаться на Арину и меня, висящего на ее локте, – В передаче моей сигареты да чай, смотрят нагло заезжие суки...

– Ты, Чушок, так и не понял, что авторитет – он и в це-

пях авторитет! Ну! – проворно передвигаясь на своих длинных гибких руках, со спины на свиноголового напал Торчок. Бросившись тому на закорки, он вонзил свои пальцы-шприцы прямо в жирную, покрытую светлой шерстью шею. Борис взвревел и принялся метаться, пытаясь сбросить с себя безногого наездника.

– Давай, воруи-нога, сюда его! Накажу суку по понятиям!

Мечущийся в панике свин на секунду потерял равновесие. Торчок, сидящий у него на спине, оттолкнулся от обшарпанной стены и спровоцировал падение. Тяжело скатившись с лестницы, точно мешок картошки, Борис очутился прямо хонько у самых ног Пахана.

– Я тебе, мразь, говорил, что при мне здесь «красной» зоны не будет! Ты шерстил, я молчал! – совершив ловкое движение пальцами, похожее на щелчок, испещренная наколками кисть арестанта извлекла из воздуха ржавое бритвенное лезвие, – Но тут ты сам напросился, я предупреждал, что за беспредел я тебе фары помою!

Присев на корточки, укутанный колючей проволокой Пахан резко, но с силой провел лезвием сначала по одному, потом по второму глазу визжащего Бориса.

– Давай, ползи к своему Хозяину! Может он тебе новые фары организует! – тощая, синяя от наколок нога презрительно ткнула тушу в бок. После чего уголовник повернул клетку в нашу сторону, – Ну, чего встряли? Свалить с кичи – святое дело, не смею задерживать! Давай, выберешься –

черкни маляву с воли!

Отойдя от оцепенения, мы медленно принялись спускаться, с опаской обходя стороной ползающего на карачках свиноголового. Увидев его лицо, я внутренне похолодел – разрезанные пополам, глаза Бориса разъехали в стороны, и теперь тот напоминал плачущего кровью китайца. Он бесцельно перебирал руками, жалобно похрюкивая:

– Как же я теперь... Да за что мне это! Ну будьте вы людьми! Вы же хорошие парни! Что ж вы, люди, делаете-то? Мы же здесь, все вместе... Доброе дело хотел... – в голосе Чушки слышались жалобные нотки. Когда Арина проходила рядом, его короткие, похожие на сардельки пальцы уцепились за ее штанину, – Девочка! Хорошая, красивая девочка, доведи меня до квартиры, умоляю, девочка!

Пахан еще раз ткнул Бориса под ребра, и тот повалился на кафель, плача и повизгивая.

– Уу...а...ы, – с трудом выдавил из себя Ханыга.

– Спасибо! – выдохнул я, проходя мимо.

Каждая ступенька отдавалась болью в ребрах. Да и ногу я, похоже, повредил серьезно. Не знаю, зачем Арина тащила меня на себе – вся красная, вспотевшая от натуги, яркое пламя то и дело вырывалось из трещины у нее на лбу. Впрочем, нет, я знал, зачем я ей нужен – без меня мимо Венечки ей не пройти.

Этаже на четвертом, или на сорок четвертом – я уже не мог сказать точно – нам на головы что-то свалилось. Полу-

чив сильный удар ногой, я отлетел на лестничную клетку, а на Арину уселось что-то звероподобное и нестерпимо ярко одетое. Нервно суча руками и ногами, это нечто принялось драть рыжие волосы Арины и царапать ее лицо, при этом приговаривая:

– Ах, вот ты кого себе нашел! Лярву рыжеволосую! Недостаточно хороша я для тебя, а? Ну так посмотрим, что от нее останется! Дрянь подзаборная!

– Стой! – прохрипел я, стаскивая с себя сумку – и зачем я ее вообще с собой таскал? – Анжела! Тебя же зовут Анжела, да?

Профура остановилась и настороженно, продолжая сжимать ногами грудную клетку Арины, пытавшейся отдышаться, повернула ко мне свое треснувшее пополам лицо.

– Ну Анжела! А ты что, запомнил? – с легкой обидой спросила она.

– Конечно, запомнил! Ты здесь одна такая красотка! – врал я. Без Арины мне никак не дойти до цели – нужно было что-то придумать, и срочно.

– Ой, ну скажешь тоже! – звероподобная тварь ощерилась волчьей пастью и слезла с девушки, – Я за собой слежу, да!

– Помнишь, – говорить было трудно – по легким будто кто-то царапал туалетным ершиком, – Ты спросила, не хочу ли я чем-то с тобой поделиться? Так я хочу! Вот!

Приподняв в руке сумку, я приглашающим жестом протянул ее Анжеле.

– Ну, я бы сначала отработала! – кинув на меня приторно-сладоострастный взгляд, она провела огромным красным языком по желтым клыкам, – Хотя бы по-быстрому, а?

– Нет-нет-нет, – я замотал головой, хотя где-то внутри меня попискивал голосок похоти: «Дурак, ты зачем отказываешься?» Но времени на это не было, – Это безвозмездно! В качестве залога нашей дружбы!

– Какой дружбы? – ее когтистая рука уже тянулась к сумке, – Я слышала, ты сбежать решил?

– Ни в коем случае! Я только хочу эту, – кивнул я на Арину, – рыжеволосую лярву сплавить. А потом вернусь, мы посидим, выпьем шампанского, свечи зажжем, включим музыку...

– М-м-м, – Анжела растянула свои кислотно-красные губы в зубастой улыбке и резким движением цапнула сумку, прижала к объемной груди, – Ну, как скажешь. Я в двадцать первой, если что.

Бросив презрительный, победный взгляд на Арину, Профура встала на четыре конечности и, соблазнительно виляя задом, удалилась вверх по лестнице.

Арина карикатурно изобразила рвоту, сунув себе два пальца в рот.

– Так надо! – с легким чувством неловкости оправдался я, – Помоги мне встать.

Спустившись на следующий этаж со мной в качестве утяжеления, Арина радостно вскрикнула, указывая на одну из

квартир. Наклонив голову, так, чтобы ее волосы не мешали смотреть, я увидел изрезанную красную дверь.

– Третий этаж! Почти пришли! Следующий наш!

Я, в отличие от Арины, не разделял радости. Дойти-то мы дойдем, а вот как я с вывихнутой ногой прошмыгну мимо жуткого хозяина квартиры номер шесть у меня не было ни малейшего понятия. Словно угадав мои мысли, рыжая ткнула меня под бок локтем:

– Не ссы, своих не бросаем... – она неожиданно осеклась и, погрузнев, добавила, – Больше не бросаем.

Уже спускаясь на второй этаж, я услышал тихий вкрадчивый голос:

– Ты же не думаешь, что все может быть так просто? Это твой дом, зачем тебе куда-то идти?

Я бросил взгляд на Арину, но та, похоже, ничего не слышала. Тяжело дыша, она продолжала тянуть меня вниз по лестнице.

– Ты ведь заслужил это! Помнишь, что ты сделал двенадцать лет назад? Помнишь, иначе бы не держался сейчас за этот обрезок арматуры! Это ведь им ты совершил...

– Заткнись! – заорал я, не желая слышать то, что последует дальше. В центре лба сосредоточилось ощущение, будто кто-то вбивает мне в голову гвоздь. Арина странно на меня посмотрела, но ничего не сказала – она явно знала, что такое шепот Управдома.

– Немного осталось, потерпи.

Мы остановились напротив той самой двери, за которой нас ждало спасение и... нечто страшное, невообразимое, неназываемое, что жители дома именовали Венечкой.

– Значит так, смотри, – напутственно проговорила Арина, – Он открывает, мы кидаемся в ноги и ползем в комнату. Окно без решетки должно быть справа по коридору, перед туалетом, в жилой комнате. Я эту планировку знаю. И ни за что, ни в коем случае не смотри ему в глаза, понял?

Я покивал. Толку-то? С такой ногой далеко мне уйти не удастся. Поможет лишь чудо. Такие мысли вертелись у меня в голове, когда Арина бросила на пол бесполезный теперь кусок жести, чтобы постучать в дверь.

Со скрипом дверное полотно уползло во тьму квартиры, и снова, как и в прошлый раз, моим глазам предстал тощий черный силуэт, неподвижно замерший между вешалкой и комодом. Раздались шлепки босых ног – медленно, шаг за шагом, Венечка выходил на лестничную клетку. Все мысли вымыло из головы. Бросаться в ноги, бежать, ползти – все потеряло смысл. Арина, тоже парализованная каким-то inferнальным ступором, округлившимися глазами, словно кролик на удава, пялилась на нечто, что выходило из квартиры. Вот блеснули в тусклом свете зубы, стала различима беспорядочная шевелюра, скрывающая лицо. Тонкие черные руки ухватились за свисающие патлы и принялись медленно, словно занавес, раздвигать их в стороны.

Совершенно машинально я сделал шаг назад, увлекая за собой Арину, потом еще один и еще, пока не уперся спиной в дверь напротив. Кусок арматуры, словно сам собой, скрежетнул по двери. Из-за спины раздалось:

– Ну, сука, я предупреждал! Я просто хочу остаться в покое!

Дверь за моей спиной распахнулась, я автоматически обернулся и упёрся носом в дуло винтовки. Сразу за ее гладким корпусом я увидел лицо того самого агрессивного десантника. Теперь, когда он включил свет в коридоре, я мог разглядеть его полностью. В замызганной и грязной форме,

он стоял, дымя сигаретой, вплавившейся в его обгоревшее лицо. На обугленной плоти воспаленным гнойником яростно сверкал единственный глаз.

– Пригнись! – успел крикнуть я и повалил Арину на заплеванную площадку за секунду до того, как прогремел выстрел, и чудовище, собиравшееся продемонстрировать нам свой кошмарный лик повалилось навзничь, расплескивая повсюду черную жижу.

– Ну ничего, душара, второй в цель будет! – грубо бросил десантник, перезаряжая ружье, – Всех положу! Положу нахуй!

Крик отрезвил меня, я бросился вперед, в квартиру кошмарного Венечки, избегая смотреть на его лицо. Изгиб коридора спрятал нас от выстрелов отбитого солдафона. В квартиру Венечки солдафон бы шагнуть не решился. Арина опередила меня и уже добежала до конца коридора, пока я, опираясь о комод и вешалки, ковылял следом.

Вдруг кто-то схватил меня за щиколотку, надавил твердыми пальцами на больное место, и я повалился лицом в паркет.

Я дрыгал ногой, пинался, пытаюсь вырваться, и жмурил глаза, стараясь ни в коем случае не увидеть того, кто держал меня.

– Ты где там? – раздалось из комнаты, и этот оклик придал мне сил. Борясь с железной хваткой страшного создания, я полз вперед, опираясь на локти, и уже мог видеть через пу-

стую, лишенную любой мебели, комнату, как Арина сидит в оконном проеме, готовая в любой момент спрыгнуть вниз, на свободу.

Неожиданно дверь в туалет отворилась. Кафель на полу пошел пузырями, вздыбился, трубы сорвались с насиженного места, а унитаз пошел трещинами и осыпался вниз, в оставшуюся после себя дыру. А из нее, скребя по полу пальцами, кое-как слепленными из бетона и металлоконструкций, вылез сам...

– Управдом! – еле слышно выдохнул я.

– Догадливый мальчик! – ослабилась морда, составленная из вентиляей, коленец и каких-то болтов, – Умный мальчик! Но плохой, очень плохой! Ты правда считаешь, что мы позволим тебе забыть? Она ведь хорошо к тебе относилась. Сказала, – и тут вкрадчивый, шипящий, будто пробитый шланг, голос сменился девчачьим, тем самым, что я слышал

там, на стройке, – «Андрей, я так не могу, ты ведь мой лучший друг».

– Андрей? – раздался оклик Арины, – Ты чего застрял?

– И ты, мой мальчик, дал волю своей темной гадкой душонке! Тебя отвергли, и ты не смог этого пережить. Ты вывернул свою душу наизнанку, положил к ее ногам свое сердце, а она отвергла. Мы бы тебя приняли, да... Но такая бесовская мразь, как ты, даже не чувствует вины...

Нос, собранный из пластиковых коленцев с шипением втянул воздух.

– Не-е-ет, ни капли вины. А вот Арина чувствует, мучается, видит во снах свою умирающую в огне сестру, своего отца в петле. Помоги ей. Ты хочешь отсюда выйти, Андрей? Давай заключим договор. Ты – мне, я – тебе! Ей здесь самое место. Отдай Арину мне, верни ее сюда. И будешь свободен. Я отпущу тебя, и Венечка отпустит. Правда, Венечка?

В ответ рука, державшая меня за ногу стиснула пальцы так сильно, что я чуть было не лишился чувств от боли.

– Ну же, давай! Позови ее сюда. И будешь свободен... Давай!

Красные, мерцающие какими-то приборными лампочками глаза пронзали все мое существо. Я же говорил, что хоть кто-то один должен выйти. И это должен быть я.

– Арина! – крикнул я изо всех сил, точно моя жизнь зависела от этого крика, – Я не могу встать, помоги мне! Нога совсем не слушается.

Я видел, как девушка колеблется. Всего шаг – и она на свободе. Но рыжая нервно закатила глаза и все же спрыгнула с подоконника в квартиру.

Оглядываясь, медленно подошла к дверному проему, не видя ни Управдома, застывшего молчаливой мусорной грудой в туалете, ни вцепившегося в меня Венечку.

– Помоги мне подняться, пожалуйста! – я протянул к ней одну руку, пряча вторую в тени коридора.

Арина, словно в замедленной съемке, присаживается на корточки. Вот ее рыжие волосы выбиваются из капюшона, вот тянется ко мне ее мерцающая бледным пламенем рука, вот ее чумазое красивое лицо совсем рядом, можно дотянуться.

Угол арматурины с силой врезался куда-то в район виска. Девушка резко, будто подкошенная, свалилась на пол с тяжелым грохотом. Тягучее, мощное дежавю наполнило мое сознание. Я знаю это ощущение – как удар арматурой по черепу отдается в запястье, с каким звуком падает чужое тело. Надеюсь, я ее не убил. Приоткрытый рот, закатившиеся глаза – все как в тот раз. Только теперь я не стал добивать свою жертву.

– Иди! Ты свободен! – довольно прошипел Управдом, и я почувствовал как хватка, державшая мою ногу ослабла, а потом и вовсе исчезла. Вместо этого черная, бесконечно длинная рука ухватила за волосы Арину и потащила куда-то мне за спину, во тьму коридора.

С трудом перебираясь на локтях, я полз к заветному окошку, из которого в комнату лился бледный подслеповатый свет солнца, прячущегося за густыми тучами. Цепляясь за обшарпанную батарею, я подтянул себя на подоконник и с облегчением окинул взглядом заброшенную, замусоренную, но при этом такую прекрасную и родную теперь детскую площадку.

Уже собравшись прыгнуть, я услышал из-за спины шелестение бумаги и шипение труб, складывающиеся в «Тебе здесь самое место». Отвлекшись на этот голос, я соскользнул с подоконника и неловко, будто мешок с дерьмом, вывалился из окна. Последним, что я видел, был стремительно приближающийся деревянный угол песочницы.

Когда я открыл глаза, на улице уже была глубокая ночь. Ресницы слиплись от спекшейся крови, но попытавшись стереть корку с глаз, я почувствовал, как пальцы уперлись во что-то твердое и холодное прямо у меня на лбу.

Отняв руки от лица, я с нарастающим удивлением и ужасом смотрел на хлопья ржавчины, оставшиеся на ладонях. Аккуратно ощупывая это странное новообразование, этот закрученный нарост, я с отчаянием узнавал его, будто ночной кошмар из далекого прошлого вернулся, чтобы терзать меня вновь. Каждый изгиб, каждая зазубрина, каждая капля засохшей крови была мне знакома – ведь точно таким же куском металла я забил на стройке несчастную девочку, отличницу класса, а во дворе – веселую пацанку и свою лучшую

подругу. На рыжих волосах кровь почти незаметна, я тогда даже поначалу не понял, что произошло. Смотрел с глупым выражением на лице, как девушка, которую я любил, лежит на бетоне и бьется в конвульсиях. Разбивая ее неожиданно мягкий череп загнутым куском арматуры, я не мог принять, не мог жить с тем фактом, что та, которой я готов был посвятить всего себя, предложила мне этот жестокий, нестерпимый суррогат любви – дружбу. Теперь я вспомнил, теперь я осознал. Слезы катились по щекам, и я размазывал их рукавами, оставляя кровавые разводы на одежде, то и дело натываясь пальцами на металлический рог, торчащий из моего лба, пронзающий голову насквозь, вместе с бесконечным вязким чувством вины, давящим и опустошающим.

Обернувшись, я посмотрел на проклятую девятиэтажку. В зарешеченных окнах уютно и маняще горел свет – было ощущение, словно мне снова четырнадцать, и я возвращаюсь домой к ужину после долгой прогулки.

Мысленно вычислив, какое из окон принадлежит двадцать первой квартире, я вперился взглядом в забранное бордовой шторой окно на пятом этаже. Где-то там мелькнула долговязая длинноволосая тень. С легким сердцем я зашагал в сторону подъезда. Мне здесь самое место.

* * *

Альтернативная концовка:

– Арина! – крикнул я изо всех сил, точно моя жизнь зависела от этого крика, – Я не могу встать, помоги мне! Нога совсем не слушается.

Я видел, как девушка колеблется. Всего шаг – и она на свободе. Но рыжая нервно закатила глаза и все же спрыгнула с подоконника в квартиру.

И, когда Арина уже собиралась сделать последний роковой шаг, когда я почти мог дотянуться до нее рукой, перед моими глазами и в самом деле встала та картина из прошлого, которую я так долго старался забыть. Пальцы сами собой разжались, и кусок арматуры с грохотом упал на пол.

– Стой! – крикнул я, – Брось меня! Управдом здесь! Он пришел за тобой! Беги!

Я видел, как она колеблется. Как темные глаза под прядями волос бегают из стороны в сторону, точно девушка ищет, куда бы спрятаться, куда бы забиться и исчезнуть, лишь бы не принимать решение. Наконец, Арина бросается, вытянув вперед раскаленную, тлеющую, будто поленья в печи, руку.

– Я же сказала, своих больше не брошу! – выкрикнула де-

вушка, хватая своей пышущей жаром пятерней черное запястье Венички. Тот тут же мгновенно заверещал многоголосым хором, в нос мне ударил запах паленой плоти, а рука Арины раскалилась добела. Я видел, как по всему ее телу пламя собирается в одну точку, как антрацитовая кожа серет и осыпается в ее хватке, а сама девушка повторяет одну и ту же фразу раз за разом:

– Я ни в чем не виновата! Не виновата, слышишь! Это не моя вина! Не моя вина, тварь!

С паническим визгом хватка Венички разжалась – моя нога была свободна. Уже потухшей, черной от сажи рукой, Арина подхватила меня под локоть и потянула вверх.

– Осторожно! У тебя за спиной! – предупредил я, вспомнив о том, что прямо сейчас на месте унитаза по пояс из разбитого кафеля торчит жуткая туша Управдома.

Арина резко обернулась, готовая встретить опасность лицом к лицу, но...

– Ты дурак что ли? Там нет никого!

И действительно – в маленьком помещении возлежала лишь какая-то груда строительного мусора, в которой только при очень хорошей фантазии можно было бы разглядеть черты чего-то антропоморфного.

– Идем! – скомандовала Арина, помогая мне подойти к окну, – Ты первый!

Усевшись на подоконник, осторожно спустился на торчащую снизу решетку и, сгруппировавшись, прыгнул вперед,

стараясь не удариться о песочницу, что была под самым окном.

Пребольно ударившись задницей, я шлепнулся на твердую землю, но это было лучшее в мире ощущение. Серое, пустое небо надо мной продолжало поплевывать на мир неприветливой моросью, ветер все также трепал одинокие скопления ковыля вдали, а подъездная дверь девятиэтажки все также поскрипывает, открытая нараспашку.

Через возведенную медикаментами, гипнозом и моим собственным разумом дамбу у меня в мозгу хлынули подавленные воспоминания и давно сдерживаемые слезы. Картинки, свежие, яркие, словно это происходило еще вчера – стройка, ее отказ, торчащий из рыжих волос кусок арматуры – проносились перед глазами.

Рядом раздался тяжелый удар о землю. Встав с колен, Арина отряхнулась и хлопнула меня по плечу.

– Ну что, валим? – спросила она, но я лишь покачал головой, не в силах ответить, – Ты чего?

– Арина, то, что я совершил... Оставь меня. Я – чудовище, монстр, урод!

– Мне плевать, что ты там натворил! – решительно бросила она, – Нам здесь не место!

Взглянув на ее протянутую руку, я поднял взгляд и увидел, что никаких трещин и никакого пламени на ее лице больше нет. Через силу улыбнувшись, я схватился за ее теплую, сухую ладонь и девушка помогла мне подняться.

– Ты права! – запоздало ответил я, прыгая на одной ноге через заросший мусорными кучами и ковылем пустырь, и оглядываясь на дом, в котором, казалось, я провел целую вечность, – Никому здесь не место!

Биографии персонажей Дома Уродов:

Дом

Никто не знает, где находится Дом на самом деле. Обычно порочные люди всех мастей находят его сами, в совершенно неожиданных местах. Тем не менее, большинство жильцов, все еще способных рассказать свою историю попали ту-

да через Подмосковьё. Девять этажей снаружи и бесконечность внутри. Со временем жильцы, чья человечность истекает окончательно, спускаются на нижние этажи, меняются неузнаваемо и вырастают в стены Дома.

Дом – хищная тварь, что сама, будто гниlostный нарыв, проросла сквозь трещины реальности. Удерживая путами вины и сожалений своих жертв, он, словно огромная грибница, высасывает из людей все, что составляет их личность, заменяя это лишь следами слез и страданий. Дом постоянно культивирует чувство вины в своих обитателях, все туже затягивая петлю, заставляя их вспоминать о прошлом. Пути Дома настолько сильны, что жилец, остро ощущающий собственную порочность, не сможет сбежать ни в внешний мир, ни в мир иной. Впрочем, Дом не против, когда жильцы калечат друг друга – это лишь множит столь любимые им страдания.

Андрей

Промоутер фирмы «Антей-Телеком», молодой человек двадцати шести лет жил с ненавистью в душе. Он ненавидел свою утлую однушку в Новогиреево, свою начальницу, что вызывала в нем одновременно и похоть и негасимый, нечеловеческий гнев, ненавидел свою работу. Сколько раз его спускали с лестницы, гнали ссаными тряпками и посылали на все буквы алфавита, но шанса найти работу получше у

Андрея не было – большую часть своей юности Андрей провел в психиатрической лечебнице на окраине Мытищ. Что он там делал, и как туда попал, Андрей не помнил, и вспоминать не хотел. Выстроив стены в собственном сознании, он сдерживал чудовищный поток кошмарных сожалений и переживаний, что варились в его подсознании, становясь все токсичнее с каждым днем. Андрей никак не предполагал, что совершенно обычный рабочий день закончится тем, что ему придется вспомнить и осознать все. И, наконец, определиться с собственной природой.

Арина

Арина – девочка из совершенно обычной семьи. Мама умерла во время родов, принеся на свет чудесную малышку – Елену, младшую сестру. Отцу было некогда заниматься воспитанием дочерей, поэтому большую часть времени девочки были предоставлены сами себе. Большой деревянный, в два этажа дом скрывал в себе массу тайн и укромных мест, поэтому излюбленной игрой девочек были прятки. Это и стало крахом для всех.

После самоубийства отца Арина оказалась в детдоме, где ей пришлось отбросить всю нежность, хрупкость и ранимость своей натуры, став твердой и жесткой, словно гвоздь. Лишь врожденные прилежание и любовь к учебе позволили ей получить удовлетворительный результат и поступить

в институт. Пособия от государства и стипендии не хватало, поэтому Арина взялась репетиторствовать.

Лишь по воле очередного «заказа» несчастная девушка оказалась в проклятом Доме, но сдаваться так просто она не собиралась. Недаром в детдоме за ней закрепилась присказка: «Аришка – даст на коврижки».

Веничка

Верный слуга Управдома. Никто не знает, откуда он, что совершил и вовсе – был ли когда-либо человеком. Ходят слухи, что Управдом откопал его на самых нижних этажах Дома, куда не спускаются даже самые смелые обитатели. Также никто не знает, как выглядит лицо Венички, и что произойдет, если его увидеть. Веничка охраняет единственный выход из Дома – через окно второго этажа с выломанной решеткой. Ходят слухи, что эту лазейку Управдом оставил сам, в качестве издевки – ведь даже у грешников в аду есть надежда, иначе очень легко впасть в отчаяние и перестать страдать, а Управдому этого не нужно.

Наташенька

Единственная дочь Бориса и Надежды, Наташенька всегда винила во всех, происходящих с ней бедах исключительно

но саму себя. Добрый, светлый ребенок, родившийся не в той семье, она была растлена собственным отцом в возрасте семи лет. Вскоре после этого, отца посадили в тюрьму, но жизнь девочки лучше не стала. Мать зарабатывала копейки и нередко срывалась на дочери, оставляя на тонкой бледной коже следы от ремня и ожоги от плойки.

Первую попытку суицида девочка предприняла в десятилетнем возрасте – проглотила бритвенное лезвие. К счастью или к сожалению, ее удалось спасти. В следующий раз были таблетки. Методично, из раза в раз она пыталась себя уничтожить, ощущая вину и за содеянное, и за происходящее с ней. Вскоре с зоны откинулся отец и Наташенька вновь оказалась в круговороте жестоких изнасилований. Кто знает, может, очередная попытка суицида ей бы удалась, но в возрасте двенадцати лет Наташа вместе с семьей оказалась в Доме.

Обитель Порочных не позволяет забыть о собственных грехах – Дом наделил тело девочки чудовищной хрупкостью, будто в издевку над ее постоянными попытками покончить с собой. Наташенька приняла наказания и смирилась. Теперь, когда папа расплачивается ее холодной, фарфоровой плотью за самодельный спирт или пользует дочку сам, она даже не плачет. Лишь истово молится по ночам, чтобы Бог, если он есть, поскорее прибрал ее к себе. Но через стены Дома Бог ничего не слышал.

Слизнетаз

Слизнетаз – уродливое порождение с нижних этажей дома, где границы живого и неживого размываются, а жильцы становятся сами частью чудовищного механизма по переработке тел и душ. Возможно, когда-то это агрессивное, звероподобное нечто было человеком, никто уже не вспомнит. Кто-то считает, что давным-давно это существо было булимичкой, застрявшей в порочном круге пожирания пищи и ее последующего извержения. Управдом давным-давно забрал у него все, заменив саму его сущность склизкой, омерзительной массой.

Солдафон

Своего имени Солдафон был лишен через несколько дней после своего восемнадцатилетия. «Рядовой», «запах», «дух», «черпак», «сержант», «дембель» заменили ему имя и фамилию, подменяя друг друга.

Первая чеченская война перечеркнула и личность Солдафона, сделав из человека – инструмент, а из сердца – камень. Трудно сказать, когда это случилось. В тот ли момент, когда Солдафон участвовал в расстреле имамов, поддерживавших сепаратистов, или, когда присутствовал при пытках коре-

настоящего бородача, что грозился «перерезать глотки каждый русский свинья – женщин, старык и ребенок!»

Может, это было то хмурое утро снайперской дуэли с ножами, засевающими на перевале, или теплая кизлярская ночь, когда Солдафон соскребал кишки боевиков с колес БТРа.

Но он никогда не забудет те проклятые сутки в кишлаке, когда Солдафон ворвался с десятком обезумевших, кроваво-жидных парней в небольшое поселение, но обнаружили они там лишь женщин и детей. Была ли то жажда мести, акция устрашения, или просто желание спустить пар – сложно сказать.

Так или иначе, когда солдатня уснула, обкурившись опиума и не выставив дозорных, произошла беда. Одна из женщин, что еще оставалась в живых, решила отомстить за надругательства и за смерть собственного ребенка. Еле передвигаясь, оставляя кровавый след, будто улитка, она смогла забраться в БТР, завести его и поджечь, после чего направила транспорт прямо на приземистое здание сельмага, где и дрыхли пьяные вояки. Среди них был и Солдафон.

Как он выбрался, он уже и не помнит. Его внешность навсегда изменилась до неузнаваемости, лицо смазалось, один глаз запекся, а левая рука пострадала настолько, что ее ампутировала на месте вовремя прибывшая санбригада.

После трех месяцев в военном госпитале, наполненных воем, зубовным скрежетом и плачем, Солдафон оказался на свободе. У него было достаточно времени, чтобы подумать о

своих поступках. Даже квартиру, которую ему определил по инвалидности военный комиссариат, он хотел продать, чтобы отдать деньги на благотворительность, но почему-то это оказалось невозможно – пришлось въехать в квартиру самому. Так Солдафон оказался в Доме. Тот, словно сжалившись над беднягой, не стал подвергать его трансформации, оставив все, как есть.

Торчок

История Торчка проста и скучна. Избалованный мальчик из богатой семьи, всю свою жизнь он посвящал удовольствиям, и, найдя его «абсолютный» источник, не смог остановиться. Когда родители начали замечать, что из дома пропадают деньги, драгоценности и техника, Торчок быстро оказался на улице. Скитаясь по притонам и подвалам, он быстро растерял сначала юность, потом самоуважение, а следом и человечность.

За дозу он готов был сделать, что угодно. Буквально. Поначалу этим пользовались зажиточные пожилые дядечки в клубах, но со временем даже внешность Торчка покинула его, оставив взамен уродливую личину. С добычей дозы все стало непросто. Тогда-то Торчок и пересел на дезоморфин, или, как его еще называют, «крокодил». Ноги он потерял еще через полгода. Но кроме дозы его все равно ничего не интересовало. Однажды, мучаясь от ломки в очередном притоне,

Торчок принялся лазить по карманам спящих поблизости, в надежде найти хоть что-то. И ему повезло. В кармане совсем молодой девушки, что валялась на лежанке в наркоманском бреду, оказалось несколько таблеток.

Он закрыл ей рот рукой, чтобы та не подняла шум... и перестарался. Перекрыл доступ к кислороду слишком надолго. Его же товарищи, еще сохранившие остатки человеческой морали бросили беднягу на пустыре в поле, где Торчок и нашел свой новый Дом. Тот в качестве издевки оставил ему вместо пальцев вечное напоминание о собственных грехах.

Ханыга

Ханыга ничего в общем-то не сделал, чтобы оказаться в Доме. Обычный парень с района, он просто стал жертвой одной из самых распространенных зависимостей. Он заливал глаза, пока жизнь проходила мимо. Пока не умерли родители, пока не убежала жена, пока его не выгнали из квартиры. Все, чего он хотел, была выпивка, и его бесцельные шатания привели беднягу туда, где ему оказалось самое место. Медленное разложение и неутолимая жажда стали его проклятием, ведь где-то глубоко в душе он тоже осознавал, что все, произошедшее с ним – следствие его собственного бездействия и порочности.

Пахан

Пахан всегда был правильным пацаном. Попав на зону еще по малолетству, он легко втянулся в блатную жизнь, быстро принял устоявшиеся в тюремной среде понятия и, еще до освобождения, определил для себя жизненный путь.

На свободе он провел не больше года – попался на разбое и загремел уже на «взросляк». Обостренное чувство справедливости, врожденный внутренний стержень, нежелание идти на компромиссы с начальством, умение не давать себя в обиду быстро сделали ему репутацию человека надежного и четкого. Уже в двадцать два Пахан стал «смотрящим», в двадцать три впервые «расписался на трупе», а к двадцатипятилетию его «короновали».

Пахан подмял под себя всю тюрьму, легко продавил тюремное начальство и чувствовал себя даже лучше, чем на свободе – в мире нормальных людей, где синие партаки ничего не значили. Он был настоящим хозяином зоны, казнил и миловал, определял, что будет «правильным», а что – «зашкварным», объединяя в своем лице власть законодательную, судебную и исполнительную. За счет мелких правонарушений ему удавалось увеличивать срок, оставаясь у себя «дома», где он получал все – наркотики, алкоголь и женщин. Но главным была, конечно же, власть.

Однажды власть сменилась. Сначала в стране, а потом и

на зоне. Среди заключенных появились молодые и дерзкие, не признававшие никаких понятий, а сверху – «функционеры» и «законники», неготовые делить с ним трон. Так, чтобы сохранить жизнь, Пахану пришлось подать прошение на УДО, которое было без лишних проволочек удовлетворено. Пахан ходил по улицам и не узнавал мир, от которого он добровольно себя изолировал. Счастливые, улыбающиеся и свободные люди – они сводили его с ума, заставляя осознавать, на что он разменял свою жизнь, в какое чудовище превратился, сколько казненных, «опущенных» и ослепленных ржавой «мойкой» он оставил за спиной. Ноги сами привели его к Дому. Тот сковал его по рукам и ногам, а лицо накрыл железной сеткой, будто запоздало выполняя желание Пахана оставаться в заключении. Пахан уверен, что заслужил такую судьбу, истово веря в свое предназначение – поддерживать одному ему понятный порядок.

Близнецы

Никто даже не знает их настоящих имен. Непоседливые дьяволята по сути превратили Дом в собственную игровую площадку, подстраивая каверзы, дурачась, хулиганя и откровенно издеваясь над другими жильцами. Они не очень общительны, и об их жизни до Дома известно мало. Ходят слухи, что говнючата отравили свою собственную мать, заставив ее выпить средство для прочистки труб. Но никакого чувства

вины Близнецы, похоже, не испытывают. Бытует предположение, что даже в Дом они попали исключительно случайно. Лишь самый внимательный сможет углядеть в самой глубине двух пар глаз отражение некой пустоты и скорби. Но для этого придется их хоть как-то зафиксировать на одном месте.

Надежда

Надежда никогда не желала от жизни большего, чем могла бы желать каждая нормальная женщина – двое прекрасных детишек, любящий муж, уютная квартирка, поездки на море.

Борис поначалу казался таким обходительным, таким мужественным. Простоватый и даже временами грубый, он все равно занимал совершенно особенное место в ее сердце. К сожалению, Борис был равнодушен к алкоголю. Со временем, пока Наташенька росла, а Надежда становилась старше, теряя свою красоту, юность и соблазнительные формы, Борис становился равнодушен к их дочери. Надежда предпочитала закрывать глаза на изменения, происходящие с ее мужем и дочерью, поэтому задержание Бориса стало для нее совершеннейшей неожиданностью.

Своим поведением в отношении Наташи она не гордилась, впрочем, всегда находила себе оправдание. Перед тем, как отбыть на кичу, Борис оставил в Надежде «прощальный подарок». Родион, ее солнышко, ее мечта – теперь не было никакой надежды вырастить второго ребенка для мате-

ри-одиночки. Надежда специально не ходила в женскую консультацию, зная, что Родиона она оставить не сможет. Поначалу, после мучительных родов в одиночку на опустевшем семейном ложе, Надежда хотела подкинуть малыша к дверям больницы или приюта, но такой поступок казался ей предательством.

Сама не своя, Надежда глубокой ночью упаковала младенца в мусорный мешок, надеясь, что дитя быстро задохнется, сбросила его в мусоропровод, но надрывный плач поломавшегося малыша еще долго гулял по подъезду, преследуя Надежду в самых страшных ее кошмарах.

После возвращения Бориса квартиру пришлось поменять – они не могли позволить себе жить в Москве, пришлось найти что-то подешевле, в области. Никто уже не помнит, по какому адресу отправилось семейство, но очутились они в Доме.

Борис-Чушка

Борис вырос в обычном рабочем районе, где-то на окраинах Твери. И отец и мать Бориса работали на скотобойне, оставаться Борису было особенно не с кем, поэтому он частенько наблюдал за работой родителей. Это быстро показало ему, насколько незначительна и хрупка любая плоть. А заодно научило не бояться крови.

Отец – жестокий тиран и алкоголик, превратив собствен-

ную жену в бледную, безмолвную тень, переключился на сына. Напиваясь, он заставлял Бориса надевать ужасно вонючую самодельную маску из свиной морды, принуждал ползать по полу и избивал ногами, а временами заходил еще дальше... Впрочем, об этом Борис предпочитал не вспоминать.

После армии, спасшей юношу от жизни в этой чудовищной атмосфере, Борис решил не возвращаться домой – мать к тому моменту уже умерла от кровоизлияния в мозг, и в доме Бориса ждал лишь кошмарный отец. Отправляясь навстречу новой жизни в Москву, молодой Борис себе тогда пообещал никогда не становиться таким, как его отец.

Разочарования – основа взросления. Это Борис понял в полной мере, когда в первый раз ударил Надежду, свою жену. Расхаживая в алкогольном тумане по району, он вылавливал молоденьких, еще не успевших, подобно его жене потерять форму, девушек и щупал, прижимал их, облизывал и нюхал. Их сопротивление казалось крупному мужчине веселой игрой. И однажды он заигрался...

После изнасилования труп пришлось оттащить и спрятать в каких-то трубах. Тогда Борис испугался. Он и правда не стал своим отцом – как выяснилось, есть варианты и похуже. Страх и неумение сдерживать свою натуру заставили его отыгрываться на собственной дочери – благо, Надежда предпочитала вовремя отводить глаза. Впрочем, это не спасло его от очередного срыва. На этот раз он был неаккуратен, ми-

лиция сопоставила факты, и суд впаял ему за двух «мокрых дев» аж двадцать лет, почти максимальный срок.

Борис не любит рассказывать о тюрьме, всем известно, насколько там не любят педофилов и насильников. Об этом свидетельствует нанесенная явно насильно неровная наколка на плече – «Чушок, ст.117.ч3.» Скорее всего, жизненный путь Бориса так бы и закончился в тюрьме, если бы не повальная амнистия в честь семидесятилетия Октябрьской Революции. Получилось, что вместо двадцати лет, Борис отсидел шесть. Но тюрьма не поставила его на путь исправления, напротив, научив быть более хитрым и проницательным.

Вскоре после его возвращения на свободу, семье пришлось искать квартиру для переезда. Никто не помнит как, но местом, в которое они переехали, стал Дом. Совесть и чувство вины Борис затолкал ногами в самую глубь сознания и теперь пытался ужиться в новом мире. Изворотливый ум позволил ему выстроить жизнь наилучшим образом – за алкоголь он расплачивался телом дочери, жена производила пищу, а Борис, привыкший прогибаться под тюремное начальство, принес присягу самому Управдому, в привычной надежде на какие-то призрачные привилегии.

Анжела-Профура

Говорят, что в проститутки девушки идут от безысходности. Приехала в большой город, не поступила в институт или

села на наркоту и пошло-поехало...

Анжела же еще до своих первых месячных поняла, какое место в жизни ей больше по душе. Все началось, когда маленькая девочка каталась в истерике по грязной земле на похоронах собственного отца. В ту ночь она не могла уснуть, а когда пошла в комнату к маме – над той трудился какой-то мужчина из тех, что присутствовали на похоронах. И мама выглядела...счастливой?

Чуть позже Анжела поняла, что секс – это не только приятно, но и выгодно, ведь многочисленные «отчимы» постоянно приносили и маме и дочке разные подарки, красивые вещи и дефицитные деликатесы.

Первый раз Анжела отдалась десятикласснику в день своего тринадцатилетия – за красивые сережки с якутскими бриллиантами. Как выяснилось, десятиклассник стянул сережки у своей мамы, и после ему нехило влетело, но вот награда осталась у Анжелы.

Позже девушка поняла, что мужчины постарше способны одарить ее гораздо щедрее и при этом намного более умелы в постели. Мама Анжелы была слишком занята собственной жизнью, чтобы обращать внимание на новые шмотки, белье, украшения и постоянные поездки дочери на разных машинах.

В Москву Анжела переехала сразу на квартиру к любимому мужчине – пожилому авторитету Радику, что поставлял элитных проституток самым взыскательным столичным биз-

несменам. Это были дни ее славы. Анжела купалась в деньгах, ездила на дорогой машине, а вскоре Радик ей снял шикарную квартиру в центре. У Анжелы не возникало ни малейших сомнений, что все проблемы можно решить вербально. Вернее сказать, орально. Казалось, она нашла идеальный баланс в собственной жизни – когда за удовольствие еще и платят.

Так было до тех пор, пока Анжеле не исполнилось тридцать. В определенный момент клиенты стали куда-то пропадать, Радик отдавал ей все меньше заказов. Вот уже и клиенты попадались более хилые – трахали ее без особой страсти и желания, а платили меньше. Избалованная красивой жизнью и большими деньгами, Анжела оказалась не готова принять такую реальность.

Заявившись в шикарную загородную резиденцию Радика при полном параде, Анжела намеревалась поговорить в открытую. А если уговоры не помогут – то и не только поговорить. Но Радик с грустным видом сообщил ей, что «инвестиция себя исчерпала», и Анжела «больше не вписывается в высокие стандарты элитного эскорт-агенства». Бросил котлету денег на стол, пожелал удачи в дальнейшем трудоустройстве. Мир Анжелы был разрушен. И вот это она проглатывать уже не намеревалась.

Предложив сделать пожилому армянину «прощальный подарок», Анжела опустилась на колени, расстегнула ширинку брюк и исполнила трюк «глубокая глотка», кото-

рым так гордилась. Пока Радик блаженно закатывал глаза и побряхтывал, девушка с силой сомкнула челюсти, откусив мужское достоинство элитного сутенера под корень.

Она уже почти выбежала из дома, когда охрана почуяла неладное и попыталась ее задержать. Получив прикладом по лицу, Анжела окончательно озверела и ослепила двух молодых охранников меткими ударами нарощенных ногтей. Услышав выстрелы, бывшая элитная проститутка рванула в лес.

Скитаясь больше недели где-то в подмосковных пущах, Анжела проклинала себя и злую судьбу, пока не встретила, наконец, девятиэтажку, стоявшую обособленно в чаще леса. Зайдя туда, чтобы попросить о помощи, она уже не вышла.

Анжела не брезгает зарабатывать собственным, теперь уже искаженным, согласно ее звериной сущности, телом, впрочем, частенько трахается с жильцами дома и просто «для души», избегая лишь контакта с Борисом-Чушкой. По ночам, одинокая и несчастная в своей квартире, она часто плачет, думая о том, что на самом деле, никому не желала зла.

Паук-Повар

Это существо обитает глубоко на нижних этажах Дома и вверх подниматься не рискует. Его пребывание в доме столь давнее, а злодеяние столь чудовищное, что он и сам уже не

помнит, за что переваривает себя заживо. Ходят слухи, что когда-то давным-давно Повар был баландером на каторге и присваивал себе все лучшие продукты, кормя заключенных остатками, перемешанными с опилками и комбикормом для свиней. О повальных смертях в лагерях на Севере от цинги, истощения и дистрофии слышали все. Кто знает – возможно, и Повар приложил к этому одну из своих многочисленных рук.

Тамара Васильевна – Тараканиха

Несчастной Тамаре Васильевне по жизни пришлось совсем нелегко. Во время войны несчастная осталась сиротой в возрасте десяти лет в блокадном Ленинграде. Это была ее школа жизни. Ее учителями были нищета и голод.

Война закончилась, но старые уроки казались Тамаре все еще актуальными. Бережливость переросла в скопидомство, привычка думать наперед – в паранойю, страх перед повторением страшного события – в безумие.

Тамара Васильевна видела врагов повсюду. Сначала она написала донос в НКВД на своего начальника цеха, что левачил по мелочевке, искренне считая его врагом народа. Потом – на собственного свекора. Тот уезжал в грязной теплушке, выкрикивая проклятия в ее адрес. Но Тамара Васильевна считала, что делала все правильно – она боролась с ворами, мошенниками и диверсантами, что желали подорвать благо-

получие ее великой Родины. Такого она допустить не могла.

Вскоре вся ее родня разъехалась по таежным лагерям – сестра – под Анадырь, муж – в Магадан, а следом и собственный сын умер от побоев в подвалах на Лубянке.

Когда старушка осталась совсем одна, окруженная теперь никому ненужными вещами и имуществом, было слишком поздно. И в момент слабости судьба столкнула Тамару Васильевну с настоящими мошенниками – черными риэлторами. Предприимчивые молодые люди, выглядевшие прилично и rispetабельно обобрали старушку до нитки. Все, что у нее осталось – однушка какого-то троюродного дядюшки, в линии наследования которого, Тамара Васильевна оказалась единственной. Вместе со всем своим скарбом она переехала в Дом.

Шпионить Тараканиха начала по старой привычке – подслушивала за соседями, собирала информацию, смотрела в замочные скважины. Дом предоставил ей такую возможность, позволив ее телу быть сразу повсюду, заползая в вентиляционные трубы, под половицы и мебель. Иногда Управдом поручает ей разные мелкие задачи, за которые старушка берется с удовольствием. Впрочем, возможно, это только ее фантазии.

Управдом

Каждый описывает его по-своему. Хотя, конечно, никто

никогда не признавался, что лично видел Управдома. Однако, каждый слышал его голос, вкрадчивый, навязчивый, заставляющий мучиться осознанием собственных злодеяний. О Управдоме жильцы стараются не говорить, но многочисленные странные явления, творящиеся в Доме списывают на него. Впрочем, возможно, никакого Управдома вовсе и нет.

* * *

Художник иллюстраций и соавтор – Андрей Заяц

Кенотаф

Женщина эта Коле сразу не понравилась. Была она вся, как пропущенное через терку яблоко – кислая и ржавая.

– Здравствуйте, Николай, – взяла она сразу инициативу в свои руки, – Я – Тамара Васильевна, это вы со мной созванивались. У вас инструменты с собой?

Голос у нее тоже был, будто пропущенный через терку – какой-то жеваный, чавкающий, слова валились из ее рта отдельными комками.

– Здравсьте. А як жеж, конечно с собой! – отрапортовал он с напускной готовностью и погремел тяжеленными спортив-

ными сумками.

– Хорошо, – она недовольно поджала губы, будто попробовала на вкус что-то неприятное, – Вы с Украины?

– Из Луцка, там недалеко...

– Вот как! – губы втянулись окончательно, придав Тамаре Васильевне сходство с ящерицей. Она как-то нервно моргнула и сходство стало почти абсолютным, – Ну что же, пойдете-пойдете.

По-утиному переваливаясь, женщина направилась через сквер, то и дело оборачиваясь, проверяя – следует ли за ней Коля, точно выгуливала несмышленного щенка... Тяжелые сумки оттягивали плечи, гнули к земле, пережимали конечности, будто жгуты. Шутка ли – отбойник, перфоратор, кувалда и еще множество других инструментов с квадратными, рычащими и гремящими названиями, да еще и свернутый в рулон матрас за спиной.

– Вам следует знать – здание очень пожилое, строилось еще при царе, не чета нынешним, – пробивался через одышку голос Тамары Васильевны, – Стены толстые, кирпичные, в несколько слоев. Муж покойницы работал в гранитной мастерской, ремонт весь делал своими руками, так что я даже не знаю, чего там еще понаворочено. Шпаклевали и клеили обои сразу поверх по несколько раз, там от начального метража процентов двадцать уже откусили, так что готовьтесь – работы на месяц, не меньше. Вы раньше сталкивались с таким?

– Приходилось, – не моргнув глазом соврал Коля, старательно обходя весенние лужи. В одной, похожий на белесый корабль-призрак, тоскливо плавал пакетик из-под кефира.

– Хорошо-хорошо...

Тамара Васильевна продолжала выплевывать свои комковатые слова, формирующиеся в каверзные вопросы, пытаясь подловить Николая на непрофессионализме.

– Да не волнуйтесь вы так! Усэ будэ в лучшем виде!

– Надеюсь-надеюсь.

Двор-колодец оставлял гнетущее впечатление: огромная яма посередине, какая-то бабка, скармливавшая тощей кошке картофельные очистки – та фыркала, недовольно тряся башкой – и болтающаяся на одной петле скрипучая дверь парадного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.